

Univerzita Karlova

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

Diplomová práce

Bc. Zarina Yursinova

Восприятие России в узбекской историографии после 1991 года

Vnímaní Ruska v uzbecké historiografii po roce 1991

Perception of Russia in Uzbek historiography after 1991

Praha 2025

Studijní program: Východoevropská studia

Vedoucí práce: PhDr. Marek Příhoda, Ph.D.

Poděkování

Na tomto místě chtěla vyjádřit velké poděkování vedoucímu mé diplomové práce PhDr. Marku Příhodovi, Ph.D. za jeho vstřícnost, velmi cenné rady a důležité připomínky, které mi pomohly s vypracováním této práce. Dále bych chtěla poděkovat své rodině za její podporu po celou dobu studia.

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem diplomovou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že nebyla předložena jako splnění studijní povinnosti v rámci jiného studia nebo předložena k obhajobě v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze, dne 24. dubna 2025

Zarina Yursinova

Аннотация

Настоящая дипломная работа исследует восприятие России в традициях узбекской историографии после 1991 года. В работе проводится сравнительный анализ, целью которого является выявить, каково современное представление узбекских историков о России, как они интерпретируют отдельные исторические события и какова динамика изменений в их взглядах. Помимо этого, работа стремится выявить факторы, оказывающие влияние на формирование исторического образа России в узбекской историографии. При написании данной дипломной работы использовался широкий круг научных трудов и публикаций узбекских ученых как на русском, так и на узбекском языках. В основной части работы анализируется: восприятие периода царской России, где особое внимание уделено вопросам колониальной политики Российской империи в Центральной Азии; оценка советского периода национальной истории; а также восприятие современной России и ее влияния в уже независимом Узбекистане. Данное исследование стремится внести вклад в изучение ключевых подходов и трактовок, характерных для узбекской историографии.

Ключевые слова:

Узбекистан, историография, Россия, история, идеология, восприятие России, независимость

Abstrakt

Tato diplomová práce zkoumá vnímání Ruska v tradicích uzbecké historiografie po roce 1991. Práce se opírá o komparativní analýzu, jejímž cílem je zjistit, jak uzbečtí historikové v současnosti vnímají Rusko, jak interpretují jednotlivé historické události a jak se vyvíjela dynamika jejich názorů v průběhu času. Kromě toho se práce snaží identifikovat faktory, které ovlivňují utváření historického obrazu Ruska v uzbecké historiografii. Při psaní této diplomové práce byl využit široký okruh vědeckých prací a publikací uzbeckých badatelů v ruském i uzbeckém jazyce. Hlavní část práce analyzuje: vnímání období carského Ruska, přičemž zvláštní pozornost je věnována otázkám koloniální politiky Ruského impéria ve Střední Asii; hodnocení sovětského období národních dějin; a rovněž vnímání současného Ruska a jeho vlivu v již nezávislém Uzbekistánu. Tento výzkum si klade se snaží přispět k poznání klíčových přístupů a interpretací, které jsou charakteristické pro uzbeckou historiografii.

Klíčová slova:

Uzbekistán, historiografie, Rusko, dějiny, ideologie, vnímání Ruska, nezávislost

Abstract

The master's thesis explores the perception of Russia within the traditions of Uzbek historiography since 1991. It undertakes a comparative analysis with the objective of identifying contemporary representations of Russia by Uzbek historians, analysing their interpretations of specific historical events, and tracing the evolution of their perspectives over time. Furthermore, the study seeks to elucidate the underlying factors that shape the historical image of Russia in Uzbek historiography. The research draws upon a broad corpus of scholarly literature and academic publications authored by Uzbek researchers in both Russian and Uzbek languages. The main body of the thesis examines several key aspects: the perception of the Tsarist Russian period, with particular attention to the colonial policies of the Russian Empire in Central Asia; assessments of the Soviet era in national history; and the perception of modern Russia and its influence in the context of an independent Uzbekistan. This study aims to contribute to the understanding of the key approaches and interpretations that characterize Uzbek historiographical discourse.

Key words:

Uzbekistan, historiography, Russia, history, ideology, perception of Russia, independence

Оглавление

Введение.....	1
1 Историческая наука в Узбекистане и проблемы ее развития	5
1.1 Историческая наука в Узбекистане – прошлое и настоящее	5
1.2 Новые подходы в историографии после обретения независимости.....	9
2 Влияние политических факторов на развитие исторической науки.....	16
2.1 Национальная идеология независимого Узбекистана и ее влияние на историографию	16
2.1.1 Становление и распространение «идеи национальной независимости».....	16
2.1.2 Политика памяти и поиск «исторического врага»	19
2.2 Роль Ислама Каримова в формировании образа России в узбекской историографии	22
2.3 Взаимоотношения Узбекистана и России после обретения независимости.....	26
3 Анализ выбранных научных трудов и публикаций узбекских историков...	31
3.1 Восприятие периода царской России в узбекской историографии	31
3.2 Восприятие Советского Союза в узбекской историографии	43
3.3 Восприятие современной России и узбекско-российских отношений в узбекской историографии	52
Заключение	57
Список использованной литературы.....	62
Список сокращений	70

Введение

После обретения независимости в 1991 году Узбекистан встал на путь формирования новой национальной идентичности, переосмысления исторического нарратива и выработки собственной концепции истории. Одним из ключевых элементов этого процесса стал кардинальный пересмотр роли России в истории Узбекистана, как в имперский, так и в советский периоды. Узбекская историография в условиях независимости в значительной степени изменила подход к интерпретации общих с Россией исторических событий, что повлекло за собой значительный сдвиг как в содержательном, так и в методологическом плане.

Максимальное сближение Узбекистана и России началось в XIX веке масштабной экспансией Российской империи в регион Центральной Азии. Основным мотивом российской экспансии стали геополитические интересы, а именно стремление предотвратить британское влияние в регионе и укрепить позиции России в «Большой игре». Немаловажную роль сыграли также экономические факторы – Россия стремилась установить контроль над важными торговыми путями и получить доступ к ресурсам региона. Еще одним мотивом стала «цивилизаторская» миссия – распространение европейской культуры среди мусульманского населения и русификация.¹ В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, которое вошло в состав Российской империи и просуществовало вплоть до падения царского режима.

После Октябрьской революции 1917 года и последующего установления советской власти на территории бывшей Российской империи, была образована Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР (1918), а в 1920 году были провозглашены Хорезмская Народная Советская Республика и Бухарская Народная Советская Республика на территориях соответствующих ханств. В 1924 году ЦК РКП(б) провело национально-территориальное размежевание центральноазиатского региона с целью создания национальных республик, соответствующих этническому составу населения. В результате этого процесса, была образована Узбекская Советская Социалистическая Республика (1925), включившая территории бывших Бухарской и Хорезмской республик, а также части Туркестанской

¹ КОБЗЕВА, О. П. – СИДДИКОВ, Р. Б.: *История государственности Узбекистана*. Ташкент 2021, с. 177–192.

АССР. В 1991 году Узбекская ССР провозгласила независимость от СССР и была преобразована в суверенную Республику Узбекистан.

Обретение независимости привело научные круги к сложной дилемме о том, как быть с историей и как определить свое отношение к периоду нахождения страны в составе сначала имперской, а затем советской России. Возникла необходимость переосмысления исторического наследия, которое до 1991 года формировалось в условиях советского режима. Отказавшись от прежних марксистско-ленинских рамок исследования, узбекские историки принялись за ревизию прошлого, в рамках которой на первый план вышли такие концепты, как колониализм, национально-освободительная борьба и восстановление исторической справедливости. Переосмысление истории происходило в контексте формирования новой государственной идеологии, в которой история стала одним из ключевых инструментов легитимации власти. В этих условиях историография перестала быть исключительно академической дисциплиной и превратилась в поле идеологического противостояния, где борьба шла не столько за истину, сколько за право определять, какое прошлое считать «настоящим», а какое отвергнуть как навязанное.

Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего анализа процессов изменения исторического сознания в постсоветском государстве, где на смену советским историографическим традициям пришли новые национальные нарративы. В условиях активного переосмысления прошлого важно понять, каким образом формируется исторический образ России в научной мысли независимого Узбекистана, и какие политические, идеологические и академические факторы влияют на данный процесс.

Объектом исследования является узбекская историография, которая после 1991 года развивается в условиях нового суверенного государства.

Целью дипломной работы является всесторонний анализ восприятия России в узбекской историографии после 1991 года. При этом под «восприятием» понимается совокупность концептуальных подходов, интерпретаций, суждений и оценок, предложенных узбекскими историками в их научных трудах. Особое внимание в работе уделяется выявлению факторов, оказывающих влияние на формирование исторического дискурса, а также рассмотрению методологии исторических исследований.

Для достижения поставленной цели мы попытаемся решить следующие **задачи**:

- рассмотреть развитие исторической науки в Узбекистане, выделив ключевые этапы и особенности каждого периода;
- проанализировать влияние политических факторов, в частности, национальной идеологии на развитие историографии;
- исследовать особенности восприятия различных периодов общей узбекско-русской истории в работах узбекских исследователей;
- провести сравнительный анализ подходов к оценке России как империи, затем как советского государства и как современного геополитического партнера.

Структура работы. Данная дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

В первой главе рассматриваются основные этапы развития исторической науки и ее институциональное становление. Особое внимание уделяется анализу новых подходов в узбекской историографии после обретения независимости.

Во второй главе исследуется влияние политических факторов на формирование исторического знания. Здесь рассматриваются концептуальные основы новой идеологии независимого Узбекистана, заложенные Исламом Каримовым (1938–2016),² и их воздействие на историографию. В данной главе также анализируется эволюция межгосударственных отношений с Россией.

Третья глава посвящена непосредственно анализу научных трудов и публикаций узбекских историков с точки зрения темы дипломной работы. Она структурирована по следующим периодам: восприятие Российской империи, Советского Союза и современной России. В рамках каждой подглавы рассматриваются как позиции историков, осуществляющих свою научную деятельность в рамках государственных академических институтов Узбекистана, так и исследователей, ведущих деятельность преимущественно в зарубежных учреждениях.

² Первый президент Республики Узбекистан (1991–2016). В советские годы являлся первым секретарем ЦК КП Узбекистана (1989), членом ЦК и Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), а также президентом Узбекской ССР (1990). Каримов, Ислам Абдуганиевич. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каримов,_Ислам_Абдуганиевич, cit. 2025-01-22].

В заключительной части работы подводятся итоги исследования с описанием ключевых тенденций современного представления узбекских историков о России и динамики изменений в их взглядах.

Источниковая база работы включает широкий спектр научных трудов и публикаций узбекских историков как на русском, так и на узбекском языках. Среди них – труды ученых Академии наук Республики Узбекистан Дилором Алимовой, Хамида Зияева, Файзуллы Исхакова, Рахбар Халиковой, а также работы так называемых независимых исследователей – Валерия Хана, Бахтиера Алимджанова, Шухрата Мухамедова и других. Помимо этого, в исследовании используются публикации зарубежных авторов, нормативные документы, труды и выступления Ислама Каримова, а также материалы периодической печати и научных конференций.

Таким образом, данное исследование стремится определить, каково представление узбекских историков о России, а также внести вклад в понимание трансформации историографического дискурса в Узбекистане, выявляя, как политика, идеология и академическая традиция взаимодействуют в формировании исторической памяти.

1 Историческая наука в Узбекистане и проблемы ее развития

1.1 Историческая наука в Узбекистане – прошлое и настоящее

Историческая наука в Узбекистане имеет многовековой опыт. Национальные традиции в ее развитии были заложены такими историками, как Абу Райхан Беруни (973–1048), Захириддин Бабур (1483–1530), Ахмад Дониш (1827–1897), Мирзо Салимбек (1850–1930) и многими другими. После присоединения центральноазиатского региона к Российской империи большой вклад в изучение истории и формирование национальных кадров-историков внесла российская востоковедческая школа, ярким представителем которой являлся Василий Бартольд. Наличие богатой историографической школы позднее способствовало формированию базисных источниковедческих основ при издании первых трудов XX века по истории Узбекистана.³

Развитие исторической науки в Узбекистане в XX – начале XXI вв. можно разделить на три основных этапа.⁴ Первый этап отсчитывается от начала XX века. В это время постепенно собирается фактический и источниковедческий материал, происходит осмысление исторических процессов древней и средневековой истории в трудах историков и востоковедов.

В советское время общественные науки делились на два лагеря – советский и западный, под которым подразумевалась вся зарубежная историография по отношению к Советскому Союзу. Советская историография основывалась на марксистско-ленинских позициях и отрицала подходы западных ученых, обвиняя их при этом в фальсификации. Хотя при этом, как отмечает заведующая Отделом историографии и источниковедения Института истории Академии наук Республики Узбекистан – Дилором Алимова (* 1948), фальсификаторами оказывались сами же советские историки, находившиеся под идеологическим давлением компартии и искажавшие ход исторических процессов.⁵

³ АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008, с. 33.

⁴ АХУНДЖАНОВ, Э.: Основные направления научных исследований истории Узбекистана. «*INFOLIB*» ахборот-кутубхона журнали, 2024, № 3 (35), с. 36–44.

⁵ АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008, с. 34.

Для 20–30-х гг. прошлого века стало значимым появление нового поколения узбекских историков. Начали функционировать исторические факультеты при Ташкентском и Самаркандском университетах, готовившие кадры молодых историков. В те годы был широко известен в научных кругах ученый-историк Пулат Салиев (1882–1938). Он является основоположником узбекской и в целом центральноазиатской научных школ истории Средневековья, а также истории нового и новейшего времени Узбекистана. Его исторические труды входят в золотой фонд узбекской исторической науки.⁶ Однако начавшиеся в 30-е гг. репрессии унесли жизни многих выдающихся деятелей науки, культуры и искусства, уничтожив заодно их труды. В списке «врагов народа» оказался и сам П. М. Салиев, который впоследствии был расстрелян 28 февраля 1938 года. Его труды, созданные на основе средневековых рукописных источников на староузбекском, фарси и арабском языках, подверглись уничтожению как идеологически вредные.

Сложными, но при этом уникальными для Узбекистана оказались 40–50-е гг. XX века, на которые приходится завершение первого этапа развития исторической науки. В 1947 и 1950 гг. была подготовлена и выпущена в свет такая капитальная работа, как двухтомная «История народов Узбекистана». В ней впервые последовательно освещались историческая судьба, как узбекского, так и других народов Узбекистана с древнейших времен до 30-х гг. XX века. Подготовка к печати этого труда проводилась совместно с учеными из Москвы и Ленинграда.⁷ Ценность данного труда заключается в том, что впервые в научный оборот был введен обширный пласт источникового материала, содержащегося в трудах средневековых историков и восточных рукописях. Особо ценен он был также тем, что остался вне рамок и надзора партийного диктата. Однако в 1952 году на X пленуме КПУз эти издания подверглись резкому осуждению за грубые идеологические ошибки и фальсификацию истории.⁸

В ноябре 1943 года была создана Академия наук УзССР. Вместе с ней был организован Институт истории, а позднее и Отдел историографии, который стал

⁶ АХУНДЖАНОВ, Э.: Основные направления научных исследований истории Узбекистана. «*INFOLIB*» ахборот-кутубхона журналы, 2024, № 3 (35), с. 36–44.

⁷ АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008, с. 35.

⁸ Там же.

центром исследовательской работы по изучению истории Узбекистана.⁹ На то же время приходится второй этап развития исторической науки, который продлился вплоть до 1990-х гг.

Обретение Узбекистаном независимости в 1991 году стало поворотным моментом в политической и социальной сферах, а также в развитии исторической науки. В это время настает третий этап – период самостоятельного развития новой суверенной Республики Узбекистан. Главным центром исторических исследований стал Институт истории Академии наук.¹⁰ В научных трудах историков, их докладах на конференциях стало подчеркиваться освобождение от марксистско-ленинской идеологической рамки. С особым пафосом стали звучать заявления о том, что историческая наука в СССР была крайне заидеологизирована, а обретение независимости способствовало развитию изучения истории на «объективном» и «научном» подходах, соответствующим «современной мировой науке». Примечательны на этот счет замечания узбекского историка, философа и этнолога, выпускника МГУ – Валерия Хана (* 1959), который в настоящее время является сотрудником кафедры политологии Университета мировой экономики и дипломатии в г. Ташкенте. За плечами ученого находится опыт преподавания за рубежом, в частности, в Южной Корее (университеты Хосо, Ханянг и Сонкюнган), а также выступления с лекциями в США (Колумбийский университет, Стэнфордский университет, Калифорнийский университет в Беркли и др.) и России (Сахалинский государственный университет). Итак, В. С. Хан считает, что в современной исторической науке в Узбекистане все еще присутствуют «следы советского наследия (как по форме, так и по содержанию)».¹¹ К основным причинам можно отнести, например, особое положение в научном сообществе (это, прежде всего, касается Академии наук РУз) представителей старшего поколения, строивших свою карьеру в советское время. Многим из них свойственно незнание зарубежных теорий и методологий. Теоретико-методологическую основу их работ составляют труды первого президента страны – Ислама Каримова – ставшего «основателем» и «теоретиком»

⁹ Институт истории Академии наук Республики Узбекистан. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_истории_Академии_наук_Республики_Узбекистан, cit. 2025-02-15].

¹⁰ Постановление «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» (от 27.07.1998 г.). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [online: <https://lex.uz/docs/813627>, cit. 2025-03-10].

¹¹ ХАН, В. С.: О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии. *Uzbekistan Initiative Papers*, 2014, № 16, с. 2–12.

новой национальной идеологии Узбекистана.¹² Можно утверждать, что узбекская историография эпохи независимости переняла многое от своей советской предшественницы, перестроив на свой лад традиции советской исторической науки, в том числе подкрепление тех или иных выводов ссылками уже на других авторитетов, заменивших классиков марксизма-ленинизма. Если при Советском Союзе историческая наука выполняла как научно-познавательную, так и идеологическую функцию, то после его распада ситуация в уже независимой республике не поменялась. Проблема слияния науки и идеологии, к сожалению, остается актуальной и приводит к потере научной самостоятельности. Как и в советское время, на развитие исторической науки в стране сильное влияние оказывает государственная идеология, для которой характерно радикальное переосмысление прошлого и стремление к «достойному месту» в мировом сообществе в будущем. На каких принципах построена новая идеология в Узбекистане и как она влияет на развитие историографии рассмотрим более детально в следующей главе.

Вернемся к рассмотрению следов «советского наследия», которые ярче всего проявляются в работах ученых Академии наук РУз. К таким следам можно отнести отсутствие междисциплинарных исследований, придерживание методологического монизма (когда исторические процессы оцениваются через призму черно-белого восприятия), а также всяческое притязание на объективность.¹³ Историки Узбекистана действительно продолжают следовать методологическим принципам, выработанным еще в советское время. К одним из таких принципов можно отнести принцип «объективности», в которой «клянутся» ученые страны. Известно, что в Советском Союзе объективное историческое знание представляло собой некий идеал науки. Западная историческая наука, в свою очередь, понимала, что этот идеал практически не осуществим, т. к. историки работают в различных методологических парадигмах (постмодернистской, марксистской и др.). Зарубежные исторические труды основаны «на принципах относительности и методологического плюрализма».¹⁴ В работах узбекских историков, в свою очередь, «объективность» изначально преподносится как

¹² АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008, с. 35.

¹³ ХАН, В. С.: О базовых методологических принципах и проблемах общественно-гуманитарных наук на постсоветском пространстве. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей*. Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018, с. 57. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-15].

¹⁴ Там же. С. 58.

один из основных принципов научного исследования. Многие нынешние работы по истории, создаваемые главным образом в республиканских научно-исследовательских институтах, продолжают носить декларативный и лозунговый характер, а также обосновывать текущую политику и речи президента. В качестве основного научного аргумента нередко используются речи руководителя страны или цитаты из его работ, что являлось распространенным и в советский период. В исторической науке, по словам В. С. Хана, наблюдается снижение и вымывание строгих научных стандартов, что приводит к появлению «квазинаучных элементов и мифов».¹⁵ Современные научные работы по своей стилистике и терминологии все еще близки к советской фразеологии: «прогрессивные мыслители», «подрастающее поколение», «духовный гнет» и т. д. Используется большое количество слов в превосходной степени: «широкомасштабный», «всемирное признание», «широчайшие возможности» и др.

Отсюда следует сделать вывод о том, что для узбекской историографии остается актуальным вопрос теоретико-методологического переоснащения исторического знания, требующего со стороны ученых серьезных интеллектуальных усилий и критического подхода для переосмысления теоретической базы исторической науки. Основным препятствием для ее качественного развития является отсутствие научного плюрализма. В деятельности историков стало складываться концептуальное и фактическое единство, затрудняющее развитие исторической науки. Исследователи, отодвигая науку на второй план, поддаются влиянию политических «интересов» и становятся исполнителями «запроса» правительства. Связи Узбекистана с зарубежными историографическими школами на сегодняшний день остаются слабыми, что, к сожалению, не делает узбекскую историографию частью мировой истории. На историческую дисциплину выделяется довольно низкий объем финансов. Подготовка нового поколения историков в узбекских вузах организована недостаточно хорошо и отсутствует научно-методический обмен с зарубежными партнерами.

1.2 Новые подходы в историографии после обретения независимости

С обретением независимости историческая наука в Узбекистане начала переходить к национально-ориентированной парадигме, которая бы через историческое повествование отражала древность узбекского народа, его самобытность, а также

¹⁵ ХАН, В. С.: О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии. *Uzbekistan Initiative Papers*, 2014, № 16, с. 8.

легитимность новообразованного государства. Формирование национальной историографии сопровождалось своеобразной историографической эйфорией, которая оказала влияние на интерпретацию исторического процесса. Многие исторические события подверглись переосмыслению.¹⁶ Это, бесспорно, проходило под влиянием новой идеологии, которая пыталась оправдать легитимность государства и сложившийся политический режим.

После распада СССР в стране начался естественный процесс роста национального самосознания. Узбекская историография начала ориентироваться на «национальное возрождение», сопровождавшееся значительным ростом интереса к древней и средневековой исторической традиции. Усилился интерес к фольклору и древним литературным памятникам. Особое внимание начало уделяться устной истории,¹⁷ т. е. записи и анализу устных свидетельств участников или очевидцев исторических событий. Главной задачей историографии стало создание истории в национальном духе, чтобы народ начал «извлекать уроки из истории, делать выводы».¹⁸ Характерной чертой узбекской историографии является воспевание славных эпох истории, восхваление героических личностей.¹⁹ Чешский исследователь Славомир Горак утверждает, что феномен такого рода «национального возрождения» проявляется у «пробуждающихся» народов, которые долгое время находились под чужим правлением (в нашем случае под правлением России) и в настоящее время вырабатывают свою национальную идентичность.²⁰

¹⁶ ГЕРМАНОВА, В. В.: Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана). In: *Центральная Азия в составе Российской империи*. Москва 2008, с. 360–382.

¹⁷ Интересен, например, сборник статей по устной истории в Узбекистане: *Устная история в Узбекистане: теория и практика*. Сборник материалов конференции. Выпуск I. Отв. ред. Р. М. Абдуллаев. Ташкент 2011.

¹⁸ МИРЗИЕЕВ, Ш. М.: Если экономика – организм, обеспечивающий жизнедеятельность общества, то духовность – его сердце и душа. Совещание 19.01.2021. [online: <https://president.uz/ru/lists/view/4089>, cit. 2025-03-11].

¹⁹ Самой заметной чертой узбекской историографии является прославление Амира Темура (в Европе известный как Тамерлан), историческая роль которого была радикально переосмыслена. Если в советской историографии он изображался как жестокий завоеватель, чьи действия тормозили развитие региона, то в нынешней узбекской историографии он стал изображаться как «отец народа» или его «духовный основатель», создатель мощной централизованной державы, способствовавший культурному и экономическому расцвету Центральной Азии, его эпоха названа «золотым веком» истории Узбекистана. EGARTY, S.: The Rehabilitation of Temur: Reconstructing National History in Contemporary Uzbekistan. *Central Asia Monitor*, 1995, № 1, с. 28–35.

²⁰ ГОРАК, С.: Историзм в современных среднеазиатских идеологиях. In: *Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах: сборник научных*

За годы независимости узбекская историография начала делиться на два условных направления. С одной стороны, существует историография «официальная» или «национальная», тесно связанная с государственными структурами, нередко выполняющая идеологические установки властей («государственный заказ») и поддающаяся влиянию политических интересов.²¹ К ее главным представителям относятся в основном ученые Института истории Академии наук Узбекистана и других республиканских научно-исследовательских учреждений. Многие из них сформировались и вели активную научную деятельность еще в советское время – Дилором Алимова (* 1948), Хамид Зияев (1923–2015), Саидакбар Агзамходжаев (* 1953), Гуломжон Ахмаджонов (1928–2014) и другие. В 1998 году вышло Постановление Кабинета Министров РУз «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз»,²² которое превратило Институт истории Академии наук в центр исторических исследований. Помимо этого, данное постановление утвердило ключевую цель деятельности института – «изучение подлинной истории узбекского народа и его государственности, достижение мирового признания научных результатов, полученных на основе анализа исторических источников».²³ Ученые Института истории АН РУз увлеклись доказательством преемственности узбекской государственности и вклада узбекского народа в мировую цивилизацию. В конце 90-х гг. XX века была разработана концепция «Истории узбекского народа и его государственности», которая была опубликована в журнале «O'zbekiston tarixi» (История Узбекистана – далее все переводы с узбекского языка будут приводиться в скобках).²⁴ Основой данной концепции стало обоснование древности узбекской государственности, самостоятельности ее возникновения «на базе прогресса древней цивилизации, опиравшейся на автохтонную культуру».²⁵ Узбекская государственность, судя по концепции, имеет тысячелетнюю историю, начавшуюся с таких ранних

статей по итогам Третьей международной конференции. Отв. ред. К. В. Киселев. Екатеринбург 2005, с. 425–436.

²¹ Ўзбекистонда тарих фани: ўтмиши ва ҳозирги аҳволи. Ўзбекистонда замонавий тарих мавжудми?. *UZ Analytics*. [online: <https://www.uzanalytics.com/tarix/3686/>, cit. 2025-04-03]

²² Постановление «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» (от 27.07.1998 г.). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [online: <https://lex.uz/docs/813627>, cit. 2025-03-10].

²³ Там же.

²⁴ O'zbekiston davlatchiligi tarixi. *O'zbekiston tarixi*, 1999, № 1, с. 31–34.

²⁵ НАСИРОВ, О. Н.: Узбекистан в годы независимости. *ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ*, 2023, № 38, с. 4–7. [online: [https://api.scienceweb.uz/storage/publication_files/3014/11126/647f32a2b7bca___ОИНВ21ВЕКЕ \(18\).pdf](https://api.scienceweb.uz/storage/publication_files/3014/11126/647f32a2b7bca___ОИНВ21ВЕКЕ (18).pdf), cit. 2025-03-10].

образований, как Бактрия, Хорезм, государство Караханидов и т. д. Историки Узбекистана, тем самым, пытаются доказать, что государство и народ на данной земле существовал уже с древних времен²⁶ и что его настоящее является продолжением периода, который был насильственно прерван российским/советским господством. Примечателен акцент на «автохтонности» узбекского народа. Историк и политолог Бахтиер Алимджанов (* 1985), позиционирующий себя как независимый исследователь, отмечает, что такой взгляд на историю приводит к «созданию концепции этнической исключительности, ключевыми положениями которого являются: 1) древнейшая государственность, 2) древность народа и его самоназвания, 3) гипертрофированный ареал государств или границ и территории расселения народа, 4) неоправданное возвеличивание своего народа и принижение значимости других народов».²⁷ В работах по истории Узбекистана особое внимание действительно уделяется истории титульной этнической группы, т. е. узбекам. Хотя в стране проживают крупные этнические меньшинства – казахи, каракалпаки, татары, корейцы, русские и т. д.²⁸

С другой стороны, начала формироваться «альтернативная» или же «конкурентная» историография, ориентированная на западные академические стандарты, выступающая с критикой идеологизированного подхода к истории и призывающая к методологическому плюрализму, а также отказу от идеологических клише, что открывает перспективы для развития исторической науки.²⁹ В эту категорию относятся узбекские историки, обучавшиеся и повышавшие свою квалификацию за рубежом, прежде всего, в западных странах, а также те, кто продолжает вести свою научную деятельность за пределами Узбекистана. Это, например, такие историки, как Бахтиер Алимджанов, Шухрат Мухамедов (* 1960), Валерий Хан (* 1959) и другие. Представители конкурентной историографической

²⁶ Желание доказать собственную древность проявляется, например, в поддержке археологических раскопок.

²⁷ АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: Великое "историческое" прошлое: как создавалась новая национальная идентичность в Узбекистане и Таджикистане. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 2019. [online: <https://cabar.asia/ru/velikoe-istoricheskoe-proshloe-kak-sozdavalas-novaya-natsionalnaya-identichnost-v-uzbekistane-i-tadzhikistane>, cit. 2025-03-10].

²⁸ HORÁK, S.: Role historie v ideologiích středoasijských režimů. In: *Rozvoj české společnosti v Evropské unii*. 3. díl. Eds. Jakub Končelík a kol. Praha 2004, с. 231–239.

²⁹ Ўзбекистонда тарих фани: ўтмиши ва ҳозирги аҳволи. Ўзбекистонда замонавий тарих мавжудми?. *UZ Analytics*. [online: <https://www.uzanalytics.com/tarix/3686/>, cit. 2025-04-03].

школы чаще всего называют себя независимыми исследователями,³⁰ однако при этом продолжают вести свою деятельность в различных учреждениях. Так, например, историк Бахтиер Алимджанов, окончив в 2017 году аспирантуру в Санкт-Петербургском государственном университете, стал сотрудником Института истории того же вуза. Тем не менее, автор продолжает называть себя независимым исследователем. Эта независимость, на наш взгляд, выражается скорее в идеологическом дистанцировании, когда историк, оставаясь сотрудником какого-либо учреждения, хочет показать, что его подходы или взгляды не сходятся с тем, что велено сверху, т. е. тем самым подчеркивается независимость в плане методологии или интерпретации исторических событий. Это некий маркер академической честности, при помощи которого исследователь пытается повысить доверие к себе со стороны международного научного сообщества.

Вернемся к рассмотрению вышеуказанных направлений узбекской историографической школы, которые расходятся не только в подходах к пониманию исторического процесса в целом, но зачастую и в оценке узбекско-российских отношений. Как мы уже писали ранее, обретение Узбекистаном независимости породило глубокий пересмотр исторического нарратива, что было обусловлено формированием новой национальной идентичности, легитимации уже нового государства и правящей элиты, а также определением места страны в геополитической реальности. Это первым делом коснулось переосмысления отношений с Россией и совместной истории как в имперский, так и в советский периоды. Историки уделяют большое внимание историографическому аспекту проблемы присоединения территорий страны в состав России, стремясь дать этому новое объяснение. Эпоха Российской империи и Советского Союза стала рассматриваться как колониальный период, который узбекская «национальная» историография начинает с середины XIX века и продлевает до обретения независимости в 1991 году. Так, например, периодизация истории Узбекистана выглядит следующим образом³¹: древнейший

³⁰ Под независимым исследователем обычно представляется ученый, который занимается научными исследованиями при помощи самофинансирования и без прямой принадлежности к каким-либо учреждениям (например, научно-исследовательским или университетским). Независимый исследователь. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Независимый_исследователь, cit. 2025-04-22].

³¹ ХАЛИКОВА, Р. – ТИЛЛАХОДЖАЕВА, Х.: *Новейшая история Узбекистана*. Ташкент 2024, с. 13.

период в истории Узбекистана, период перехода к первой государственности³² и развитие государственности, средние века (подразделяющееся на раннее средневековье, развитое и позднее), далее следует период колониализма Российской империи и советской власти в Узбекистане (с середины XIX века до 1991 года),³³ период самостоятельности и национальной независимости Узбекистана. Под «колониальностью» понимается «политика завоевания и, зачастую, эксплуатации военными, политическими и экономическими методами народов, стран и территорий преимущественно с инациональным населением, как правило, экономически менее развитых».³⁴ Исторический образ России начал приобретать отрицательные черты. Россия чаще всего стала рассматриваться в качестве агрессора и оккупанта, преградившего путь к национальной независимости.³⁵ Тем не менее, в научных кругах страны ведутся споры, разворачивающиеся между сторонниками колониальной концепции – это в основном представители «официальной» историографической школы (например, Хамид Зияев, Файзулла Исхаков, Саидакбар Агзамходжаев, Рахбар Халикова и др.); и исследователями, придерживающимися более умеренных взглядов на Россию и выступающими с критикой фальсификации исторических фактов – это представители «конкурентной» историографической школы (например, Шухрат Мухамедов, Бахтиер Алимджанов, Георгий Никитенко и др.), не принимающие официальную точку зрения на ту или иную проблематику. Основное внимание историков сосредоточено на присоединении территории современного Узбекистана к Российской империи, ее политике по отношению к местному населению, а также на революционных потрясениях, борьбе против советской власти, негативных аспектах советского режима (распространение атеистических идей, русификация, коллективизация, раскулачивание, репрессии) и на экономической трансформации

³² Первая государственность на территории современного Узбекистана, по мнению историков, стала зарождаться во второй половине II тыс. до н. э. с появлением древней Бактрии и Хорезма. ХАЛИКОВА, Р. – ТИЛЛАХОДЖАЕВА, Х.: *Новейшая история Узбекистана*. Ташкент 2024, с. 12–13.

³³ Некоторые историки рассматривают этот период отдельно как колониальный период царской России и период господства советской власти. См. напр. АРИФДЖАНОВ, Э. К. – АЛИМОВ, Ш. К. и др.: *История Узбекистана: курс лекций*. Ташкент 2012, с. 18.

³⁴ АБАШИН, С.: Советское = колониальное? (За и против). In: *Понятия о советском в Центральной Азии*. Сост. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек 2016, с. 31. [online: https://www.academia.edu/31541943/Абашин_С_Советское_колониальное_За_и_против_Понятия_о_советском_в_Центральной_Азии_Альманах_Штаба_2_Бишкек_2016, cit. 2025-04-03].

³⁵ БРЕЖНЕВА, С. Н.: *Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России. (вторая половина XIX в. – начало XXI в.)*. Москва 2005, с. 500–501.

региона, т. е. внедрении хлопковой монокультуры, которое впоследствии привело к экологической катастрофе (высыханию Аральского моря).

Таким образом, историческая наука в Узбекистане начала трансформироваться в условиях национальной независимости. Она демонстрирует тенденцию к переосмыслению исторического прошлого, акцентируя внимание на древности и автохтонности узбекской государственности. В то же время на фоне «официальной», тесно связанной с государственными интересами историографии, развивается «альтернативное» направление, ориентированное на критический подход и западные академические стандарты. Эти два подхода не только по-разному трактуют ключевые вехи национальной истории, но и отражают различные подходы к изучению истории.

2 Влияние политических факторов на развитие исторической науки

2.1 Национальная идеология независимого Узбекистана и ее влияние на историографию

2.1.1 Становление и распространение «идеи национальной независимости»

Историческая наука, как известно, является одним из мощнейших инструментов идеологического влияния на массы людей. Несмотря на существующий принцип объективности, история не всегда может быть свободна от субъективного влияния. Историки, при описании и интерпретации исторических событий, подвергаются неизбежному влиянию различных социальных, экономических, культурных и политических факторов. Более того, имея собственные политические взгляды и предпочтения, они могут применять различные методологические подходы, чтобы написать, переписать, интерпретировать и переосмыслить исторические события.³⁶ Фиксируя моменты истории, праздники, дни радостей и печалей вместе с героями, воинами, мучениками и освободителями прошлого, историки играют решающую роль в создании или эволюции национальных чувств.³⁷ По словам известных историков Эрика Хобсбаума и Дэвида Кертцера, «то, что делает нацию нацией, – это прошлое, то, что оправдывает одну нацию перед другими, – это прошлое, а историки – это люди, которые его производят».³⁸

Историография, играющая ключевую роль в формировании национального самосознания, часто используется правящими режимами государства в качестве инструмента для легитимации текущей политики и достижения необходимых целей. Политизация истории может осуществляться посредством общественных практик, включающих в себя меры по увековечению памяти – строительство музеев, памятников, архивов, празднование годовщин значимых исторических событий, а также выборочное освещение определенных эпизодов истории при умалчивании

³⁶ BLAKE, C.: Can History Be Objective?, *Mind*, 1955, № 253, с. 61. [online: <https://www.jstor.org/stable/2251044>, cit. 2025-02-10].

³⁷ MILLER, A.: Russia: Politics and History. *Russia In Global Affairs*, 2010, № 2. [online: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/russia-politics-and-history/> cit. 2025-02-10].

³⁸ HOBBSBAWM, E. J. – KERTZER, D. J.: Ethnicity and Nationalism in Europe Today. *Anthropology Today*, 1992, № 1. с. 3.

других. В условиях формирования национальной идентичности историографические нарративы становятся важным инструментом в руках государства.

После обретения государственной независимости власти Узбекистана столкнулись с рядом серьезных проблем. Во-первых, руководство страны не изменилось даже после распада СССР. Как мы уже указывали ранее, в 1991 году пост президента Республики Узбекистан занимает Ислам Каримов – выходец из советской номенклатуры. Для Каримова было крайне важно утвердиться в качестве легитимного лидера страны. Во-вторых, прекращение существования Советского Союза создало идеологический вакуум в новообразовавшейся республике. В условиях постсоветского периода идеология становится важным практическим конструктом, который бы дал необходимое направление оказавшемуся в идеологическом вакууме обществу. Узбекистану было необходимо в кратчайшие сроки, исключая «классовый подход», сформировать «исторически оправданную» национальную идею, которая бы заменила коммунистическую идеологию и сплотила народ. Основная роль в выполнении данной задачи была отведена историографии, перед которой стояли вопросы по воссозданию исторической памяти народа.³⁹ Каримов заявлял, что «самый важный источник в формировании национальной идеологии, – это объективно освещенная история». Республиканские научно-исследовательские институты, следуя наказу властей, начали писать «подлинную» историю страны, освобожденную от рамок советской идеологии и воспевающую «великое» доколониальное прошлое. Необходимо отметить, что во времена нахождения у власти И. А. Каримова все институты (в том числе суды, научные центры и организации, СМИ) были полностью под контролем государства и в случае непослушания или критики могли подвергаться репрессивным мерам.

В Советском Союзе идеологические тексты писались в Идеологических отделах ЦК КПСС. Люди, занимавшиеся созданием таких текстов, не обязательно с ними отождествлялись. В частности, в Идеологический отдел Узбекской ССР отправлялись либо «неудобные» кадры, либо кадры, не имевшие другой рабочей квалификации. После распада СССР ряд работников отдела перешли под новый аппарат президента. Идеи этого аппарата, а также выступления, труды и речи президента разрабатывались главным образом в Институте стратегических и межрегиональных исследований при

³⁹ KUMAR, S.: *Historiography and State Administration in Uzbekistan. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, № 6. [online: https://elibrary.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/9479/12_Kumar.pdf?sequence=1&isAllowed=y, cit. 2025-02-06].

президенте Узбекистана. На научном уровне «идеи национальной независимости» анализировались в Институте философии и права Академии наук РУз, который был преобразован из бывших Институты марксизма-ленинизма и комсомола.⁴⁰ Отсюда становится ясно, что в образовании и карьере «научного сообщества» остались следы «советского наследия» и прежних идеологических систем. Славомир Горак утверждает, что идеология нынешнего режима в Узбекистане, построенного на руинах Советского Союза, является преемником марксистско-ленинских идеологических основ, трансформированных в соответствии с потребностями в модернизации страны и адаптированных к системе независимости.⁴¹ Однако, вместо выработанной годами системы, опиравшейся на учения Маркса, Энгельса и Ленина, главным источником современной национальной идеологии Узбекистана стал первый президент Ислам Каримов и его «фундаментальные» труды с анализами минувших и текущих событий. Каримов, укрепивший свою власть в 1990-е гг. и сосредоточившийся на ее удержании, стал передовым элементом идеологии национальной независимости Узбекистана и, более того, ее главным создателем. Все достижения государства, в особенности обретение независимости, а также развитие экономической, социальной, научно-технической и других сфер действительно ассоциируются с образом бывшего президента.

В выступлении перед учеными-обществоведами на XII сессии Олий Мажлиса⁴² (1993) И. А. Каримов отметил, что формирование и внедрение в повседневную жизнь «идеи национальной независимости» является важнейшей задачей современного Узбекистана.⁴³ Ее принципы были выражены в пропагандистской формуле «От сильного государства – к сильному обществу», дополненной слоганом «Узбекистан – государство с великим будущим», обозначающим стратегическую цель идеологии.⁴⁴ Идеология была провозглашена основой государства, с которой, во избежание неприятностей, должны согласиться все члены общества. Британский исследователь Эндрю Марч пишет, что такое использование идеологии «служит для

⁴⁰ HORÁK, S.: Ideologie národní nezávislosti v Uzbekistánu. *Slovanský přehled*. Praha, roč. 98, 2012, č. 1–2, s. 81–96.

⁴¹ Там же.

⁴² Парламент Республики Узбекистан.

⁴³ Идея национальной независимости Узбекистана. TESTHISTORY.RU. [online: http://testhistory.ru/history.php?id=his_5_102, cit. 2025-04-05].

⁴⁴ КАЛИШЕВСКИЙ, М.: Узбекистан: Диктатура как результат «научного подхода». *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2013. [online: <https://www.fergananews.com/articles/7990>, cit. 2025-04-05].

легитимации именно авторитарной политической системы», т. е. когда идеология служит главным инструментом в принятии решений по важным политическим проблемам, и когда она распространяется в обязательно-принудительном порядке с помощью государственных структур.⁴⁵ Авторитарный режим Каримова проявлялся в использовании огромных ресурсов для распространения национальной идеологии среди жителей страны. Она стала обязательным сегментом в сфере государственного образования – например, в учебных заведениях было введено преподавание новых дисциплин, таких как «Чувство Родины» и «Идея национальной независимости». Это тоже указывает на то, что узбекская элита пошла по стопам бывшей большевистской власти, которая занималась переписыванием истории, а также созданием новых дисциплин в виде «Научного коммунизма» и «Научного атеизма».⁴⁶ Внедрение новой идеологии Узбекистана в общественное сознание проходило через деятельность политических партий, общественных организаций, а также института семьи, являющегося «первичной ячейкой общества».⁴⁷ Одной из задач идеологии стала также борьба с «чуждыми идеями». Для того, чтобы уберечь граждан от всего вредного и ненужного осуществлялась информационная блокада, цензура и жесткий контроль. Конкретные носители «чуждых идей» менялись в зависимости от политической ситуации. Это могли быть, например, США или Россия, а также религиозный экстремизм или просто неподобающее поведение (например, ношение хиджаба, длинной бороды или наоборот слишком раскованной манеры одеваться). Тем самым, Каримов обеспечил себе политическую и идеологическую монополию, устранив всех своих политических оппонентов.⁴⁸

2.1.2 Политика памяти и поиск «исторического врага»

Одним из важнейших элементов формирования национальной идеологии является политика памяти. С обретением независимости в Узбекистане политика памяти стала использоваться в целях укрепления «идеи национальной независимости»,

⁴⁵ MARCH, A.: State Ideology and the Legitimation of Authoritarianism: The Case of Post-Soviet Uzbekistan, *Journal of Political Ideologies*, 2003, № 2, с. 209–232.

⁴⁶ БЕЙЛИС, М.: «Новая история» Узбекистана: Мифология каримовских времен. *Русский век*, 2011. [online: <https://ruvek.mid.ru/publications/print/60974/>, cit. 2025-04-05].

⁴⁷ КАЛИШЕВСКИЙ, М.: Узбекистан: Диктатура как результат «научного подхода». *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2013. [online: <https://www.fergananews.com/articles/7990>, cit. 2025-04-05].

⁴⁸ Это, например, национально-демократическая оппозиция под руководством Мухаммада Салиха – главного соперника Каримова.

суверенизации, как общественной, так и политической жизни, а также легитимации правящей власти. Идеологему о «великом будущем» Узбекистана было необходимо подкрепить идеологемой о «великом прошлом», оснащенную историческими аргументами о богатом духовном и культурном наследии узбекского народа. В историографии стал делаться упор на «светлых» страницах истории и на прославлении великих предков.⁴⁹ В качестве противовеса положительно воспеваемым страницам национальной истории наступает период упадка и стагнации, вызванный, чаще всего, внешней экспансией. По мнению С. Горака, освещение периода упадка государства и напоминание о трагических моментах истории служит в идеологиях для того, чтобы «свалить» все проблемы не на нынешнее руководство страны, а на другую сторону.⁵⁰ Так, например, после распада СССР в Узбекистане начались поиски так называемого «исторического врага», ставшего виновником проблем новообразованного государства и мешающего нынешней правящей элите развиваться. Подобные действия властей, скорее всего, были обусловлены советским прошлым и многолетним опытом партийной работы, в задачи которой, помимо всего остального, входило обличение врагов «трудового народа». В нашем случае образ «врага» связан с Россией. Длительное пребывание под русским влиянием привело к искусственной русификации, насаждению чужой культуры, сопровождавшегося уничтожением местного наследия и традиций. Политика памяти в новообразованной республике была направлена на забывание советского прошлого. Это сопровождалось критикой политики Российской империи и действий руководителей Советского Союза в отношении региона. Российский историк и антрополог Сергей Абашин отмечает, что во время нахождения у власти Ислама Каримова Узбекистан занимал самую жесткую позицию по критике СССР.⁵¹ Критика советского режима – важный элемент идеологического нарратива в Узбекистане, целью которого является показать, что народ, избавившись от прежнего несправедливого строя, освободился и по сей день преодолевает его недостатки.⁵² По этой причине стало необходимым принятие мер по воспитанию нового поколения, не

⁴⁹ ГОРАК, С.: Историзм в современных среднеазиатских идеологиях. In: *Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах: сборник научных статей по итогам Третьей международной конференции*. Отв. ред. К. В. Киселев. Екатеринбург 2005, с. 425–436.

⁵⁰ HORÁK, S.: Role historie v ideologiích středoasijských režimů. In: *Rozvoj české společnosti v Evropské unii. 3. díl*. Eds. Jakub Končelík a kol. Praha 2004, с. 231–239.

⁵¹ АБАШИН, С.: Узбекистан после СССР. *Звезда*, 2015, № 8. [online: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2563>, cit. 2025-04-06].

⁵² Там же.

заставшего или не помнящего советское прошлое «в духе новой национальной идеологии и преданности правящему в Узбекистане режиму».⁵³ В стране проводилась политика десоветизации, в рамках которой уничтожалось все, что напоминало о владычестве России на территории современного Узбекистана – переименовывались улицы, в библиотеках и архивах проводились чистки, строжайшему запрету подверглось использование советских и российских учебных материалов. Из публичной жизни стали вытесняться советское кино, музыка, литература и учебники, а также праздники. Например, День победы (празднующийся 9 мая) стал Днем памяти и почестей, в список государственных праздников также попали День независимости (1 сентября) и День Конституции Республики Узбекистан (8 декабря). По мнению Абашина, политика памяти в Узбекистане по отношению к СССР основывается «на травматизации сознания людей» (в качестве примера можно привести основание в 2001 году ташкентского Музея памяти жертв репрессий, постоянная экспозиция которого сосредоточена на общей боли и памяти о репрессиях в отношении узбекского народа).⁵⁴ По отношению к царскому периоду также акцентируется внимание на теме «боли и страдания» народа вследствие колониальной политики России. Развитие независимой республики, помимо прочего, сопровождалось «коренизацией» руководящих кадров, сужением сферы использования русского языка, внедрением культурной политики по ликвидации наследия «колониальной эпохи».⁵⁵

Однако необходимо обратить внимание на то, что в каждом городе Узбекистана существует социальная память, так называемая память снизу, которая представляет нам альтернативный взгляд на прошлое, не совпадающий с официальной интерпретацией истории. Так, например, российский исследователь Юлия Цыряпкина изучала вопрос отражения «эпохи социализма» в исторической памяти населения современного Узбекистана на основе воспоминаний жителей города Ангрена (Ташкентская область).⁵⁶ Анализ показывает, что среди людей старшего поколения по сей день наблюдается ностальгия по ушедшей эпохе. Они отмечают, что городская

⁵³ БЕЙЛИС, М.: «Новая история» Узбекистана: Мифология каримовских времен. *Русский век*, 2011. [online: <https://ruvek.mid.ru/publications/print/60974/>, cit. 2025-04-05].

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ КАЛИШЕВСКИЙ, М.: Узбекистан: Диктатура как результат «научного подхода». *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2013. [online: <https://www.fergananews.com/articles/7990>, cit. 2025-04-05].

⁵⁶ ЦЫРЯПКИНА, Ю. Н.: «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана. *Исторический курьер*, 2020, № 5 (13), с. 238–248. [online: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-20.pdf>, cit. 2025-04-02].

инфраструктура в советское время была гораздо развита, а уровень жизни и бытовые условия были выше. Респонденты с ностальгией вспоминают о праздниках советского периода, позитивно оценивают одинаковое материальное положение и идеи равенства, а также особо выделяют такие советские ценности, как дружба народов, добрососедство и интернационализм.

Таким образом, после распада СССР историческая наука в Узбекистане превратилась в ключевой инструмент государственной идеологии, направленной на легитимацию власти, формирование национальной идентичности и преодоление советского наследия. Через переосмысление истории, политику памяти и контроль над научными и образовательными институтами была создана идеологическая система, сосредоточенная вокруг первого президента страны – И. А. Каримова. В рамках нового историографического дискурса происходит романтизация доколониального прошлого и демонизация российского и советского влияния. Несмотря на это, в стране все еще сохраняется память снизу – иное восприятие прошлого, особенно среди старшего поколения, ностальгирующего по советской эпохе.

2.2 Роль Ислама Каримова в формировании образа России в узбекской историографии

Историческая наука в Узбекистане, находясь под влиянием государственной идеологии, отстаивала позиции, во-первых, уникальности узбекской нации и ее древней государственности, во-вторых, антиколониализма – царская и советская политики в отношении Узбекистана (тогдашнего Туркестана и Узбекской ССР) подверглись жесткой критике, в-третьих, изоляционизма – стремления защитить внешние границы и минимизировать внешнее влияние, включая российское.⁵⁷ Исследователь Сунил Кумар приходит к мнению, что именно И. А. Каримов задал основу для переосмысления образа России и ее роли в истории Узбекистана.

Ислам Каримов был кандидатом экономических наук⁵⁸ и не имел исторического образования, но написанные им многотомные труды служили источником для каждого

⁵⁷ KUMAR, S.: Historiography and State Administration in Uzbekistan. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, № 6. [online: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/9479/12_Kumar.pdf?sequence=1&isAllowed=y, cit. 2025-02-06].

⁵⁸ Он окончил Среднеазиатский политехнический институт (нынешний Ташкентский государственный технический университет) по специальности «инженер-механик». Каримов, Ислам Абдуганиевич. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каримов,_Ислам_Абдуганиевич, cit. 2025-01-22].

историка Узбекистана, неким фундаментом, на котором выстраивались исторические исследования. Это стало литературой, обязательной к изучению. Цитаты из его работ представляют собой неизменный атрибут научного труда по истории. Практически все научные труды и учебные материалы, публикуемые в Узбекистане, в обязательном порядке содержат цитаты и ссылки на произведения Каримова.⁵⁹ Поэтому можно утверждать, что позиция историков зависела от отношения властей к той или иной проблематике. Исключение составляют независимые узбекские исследователи, развивающие свою научную деятельность за пределами страны и отстаивающие свою позицию, не отвечающую официальной точке зрения.

Мнение И. А. Каримова в отношении Российской империи и Советского Союза широко известно. В своих трудах и высказываниях он негативно характеризовал как царскую, так и советскую политику в отношении региона, делая акцент на трагические страницы совместной истории. Он утверждал, что Узбекистан много лет служил для России объектом эксплуатации и являлся «дармовой сырьевой базой».⁶⁰ В российских СМИ часто можно встретить слова о том, что «Каримов, выходец из советской номенклатуры, стал жестким критиком советской власти».⁶¹ «При империи нас считали людьми второго сорта»,⁶² высказывался Каримов о покоренных народах, которым, на его взгляд, внушалась разрушительная идея их национальной и культурной неполноценности. Историческое прошлое узбекского народа оценивалось с позиций того, что Россия делала все возможное для торможения развития Узбекистана, в результате чего «на грани исчезновения оказалась не только наша независимость, но и язык, религия, духовный мир. Ни царское правительство, ни деятели красной империи никогда не хотели, чтобы народы Туркестана развивались по-настоящему».⁶³ Выступая в 1993 году перед узбекскими учеными, Каримов заявил о том, что Российская империя использовала наши земли в своих интересах: «Мы много читали исторических материалов, в которых утверждалось, что Россия принесла нам культуру,

⁵⁹ БЕЙЛИС, М.: «Новая история» Узбекистана: Мифология каримовских времен. *Русский век*, 2011. [online: <https://ruvek.mid.ru/publications/print/60974/>, cit. 2025-04-05].

⁶⁰ КАРИМОВ, И. А.: *Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология*. Ташкент 1993, с. 168.

⁶¹ ЯРМОЩУК, Т.: Интеллигенция уходит в оппозицию. Национальные движения в республиках накануне распада СССР. Часть тринадцатая: Узбекистан. *Настоящее Время*, 2023. [online: <https://www.currenttime.tv/a/ussr-uzbekistan/32217736.html>, cit. 2025-01-30].

⁶² ПАНФИЛОВА, В.: Ислам Каримов: «При империи нас считали людьми второго сорта». *Независимая газета*, 2005. [online: https://www.ng.ru/ideas/2005-01-14/1_karimov.html, cit. 2025-01-30].

⁶³ КАРИМОВ, И. А.: *Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология*. Ташкент 1993, с. 169.

способствовала развитию. Но здесь преследовалась другая основная цель. Если бы наша земля не была бы богатой или она не имела большого стратегического, политического значения, то она никому не была бы нужна. Еще мы должны откровенно сказать и о том, что такое отношение не изменилось и в советский период».⁶⁴

Формируемая Каримовым новая идеология была направлена на вымывание совместного с Россией прошлого из коллективной памяти с целью защиты суверенитета и территориальной целостности государства. Причиной таких действий, по его мнению, является то, что «наш край длительное время испытывал на себе всю пагубность шовинистических и агрессивных националистических идей. Узбекистан пережил сложный период насильственного удержания в составе Российской, а затем Советской империи, период, который сегодня получает различные, порой взаимоисключающие интерпретации».⁶⁵ Каримов тем самым демонстрировал свою приверженность политической стабильности, настаивал на приватизации вместо политической либерализации, а также пытался избавиться от зависимости Узбекистана от России в разных областях.⁶⁶ Исследователь Сунил Кумар подчеркивает, что историография начала использоваться государственной властью Узбекистана как инструмент для достижения различных целей.⁶⁷ Автор считает, что современная историография страны – антисоветская и направлена на вымывание из памяти советского прошлого. На основе книг Каримова по отечественному телевидению транслировались программы и документальные фильмы,⁶⁸ которые показывали депрессивную, бессмысленную и безнадёжную жизнь узбекского народа при советской власти, а также акцентировали внимание на героизме лидера, который отстаивал независимость своей страны и воспользовался возможностью, когда «путчисты» были свергнуты в Москве. Однако нигде не упоминается то, что еще в марте 1991 года

⁶⁴ КАРИМОВ, И. А.: *Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология*. Ташкент 1993, с. 205.

⁶⁵ КАРИМОВ, И. А.: *Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса*. Ташкент 1997, с. 51–52.

⁶⁶ KUZIO, T.: History, Memory and Nation Building in The Post-Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*, 2002, № 2. [online: https://www.researchgate.net/publication/240523382_History_Memory_and_Nation_Building_in_the_Post-Soviet_Colonial_Space, cit. 2025-02-06].

⁶⁷ KUMAR, S.: Historiography and State Administration in Uzbekistan. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, № 6. [online: https://elibrary.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/9479/12_Kumar.pdf?sequence=1&isAllowed=y, cit. 2025-02-06].

⁶⁸ В качестве примера можно привести фильм под названием «Накануне независимости, или последняя агония советской власти», снятый на основе книги Каримова «Узбекистан на пороге достижения независимости».

Каримов возглавил кампанию по сохранению Советского Союза и вышел к народу с речью о том, что «в наших реках будет течь молоко, если мы останемся в составе СССР, но, если мы выйдем из него, наши реки станут кровавыми». ⁶⁹ В 2002 году первый президент Узбекистана заявлял парламенту о том, что «тень» Советского Союза была основной причиной проблем узбекского общества. В правящих кругах считалось, что стирание советского прошлого из памяти узбекского народа – ключ к перспективному процветанию государства и народа. Новое поколение теперь даже не знает имен советских лидеров, что, по его мнению, является положительным моментом: «Побывав в одной из школ, я спросил подростков "Знаете ли вы, кто такой Брежнев"? Они мне ответили: "Не знаем". Затем я их спросил, кто такой Горбачев. Они тоже не знают. И я им сказал: "Молодцы!"». ⁷⁰

На некоторые позитивные моменты все-таки обращалось (хотя и малое) внимание. Это, например, развитие в стране инфраструктуры, производства, ознакомление населения с новыми видами деятельности, подготовка кадров. Но негативные моменты, по мнению Каримова, превышают все результаты, т. к. все перечисленное насаждалось силой, ущемлялось национальное достоинство, обесценивались культурные и духовные ценности, уничтожались их носители. ⁷¹ Каримов считал, что территория Центральной Азии была «очагом высокой культуры» и играла важную роль в мире, но из-за советского господства она утратила свое центральное место в мировой политике.

Итак, высказывания и труды Ислама Каримова, несмотря на отсутствие профессионального исторического образования, стали каноническими источниками, определяющими направление академических исследований в Узбекистане. Политизация исторической науки способствовала переосмыслению общей истории с Россией с целью укрепления национальной идентичности и суверенитета. В рамках государственной идеологии историческое прошлое оценивалось через призму

⁶⁹ YUSUPOV, F. – PANNIER, B.: *Rewriting History: Karimov the Brave. Radio Free Europe/Radio Liberty*, 2011. [online: https://www.rferl.org/a/uzbek_president_islam_karimov_rewriting_history/24301180.htm], cit. 2025-02-05].

⁷⁰ SAMARI, A. – ASHUROV, K. – IBRAGIMOV, U.: *Uzbeks Rewrite History: Academics Fear Tashkent's Historical Revisionism May Lead to Anti-Russian Feeling among Uzbek Youth, IWPR'S Reporting Central Asia*, 2002. [online: <https://iwpr.net/global-voices/uzbeks-rewrite-history>], cit. 2025-02-05].

⁷¹ См. работы: КАРИМОВ, И. А.: *Наша высшая цель – независимость и процветании Родины, свобода и благополучие народа*. Ташкент 2000. КАРИМОВ, И. А.: *Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть*. Ташкент 2005. КАРИМОВ, И. А.: *По пути модернизации страны и устойчивого развития экономики*. Ташкент 2008.

антиколониализма, изоляционизма и национального возрождения, что привело к формированию преимущественно негативного образа Российской империи и Советского Союза.

2.3 Взаимоотношения Узбекистана и России после обретения независимости

Мы считаем важным проанализировать развитие узбекско-российских отношений после 1991 года, поскольку этот фактор также оказал значительное влияние на последующее восприятие России узбекскими историками. Несмотря на то, что Россия подвергалась жесткой критике со стороны правящей элиты Узбекистана, отношения между двумя странами не всегда были напряженными. Их развитие условно можно разделить на несколько этапов.⁷²

Первый из них охватывает 1992–1995 гг. – период, когда Узбекистан оказался перед необходимостью выстраивания новой системы внешних связей. По мнению Славомира Горак, после распада СССР узбекские власти хотели превратить страну в ключевую стратегическую державу Центральной Азии.⁷³ Несмотря на установление дипломатических отношений между Узбекистаном и Россией в 1992 году,⁷⁴ а также участие республики в таких интеграционных объединениях, как СНГ и ОДКБ,⁷⁵ руководство Узбекистана, остерегаясь потери суверенитета, заявило о выходе из российской сферы влияния и создании так называемой «многовекторной»⁷⁶ внешней политики, представлявшей собой объединение с любой страной, ограничивающей влияние России. По этой причине стало приоритетным налаживание отношений с

⁷² МЕЩЕРЯКОВ, К. Е.: *Российско-узбекские межгосударственные отношения в 1991–2007 гг.: основные тенденции и проблемы развития*. Санкт-Петербург 2007.

⁷³ HORÁK, S.: (Ne)závislost Střední Asie na Rusku (případ Uzbekistánu). *Pražské sociálně vědní studie*, Praha 2006, 24 с.

⁷⁴ АБДУЛЛАЕВ, Ю. Н.: Из истории установления дипломатических отношений между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией. In: *Российско-узбекские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности*. Ташкент 2013, с. 14.

⁷⁵ Организация Договора о коллективной безопасности – международный военно-политический блок, занимающийся, в основном, региональной безопасностью стран-участниц: России, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. См. подробнее Организация Договора о коллективной безопасности. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Организация_Договора_о_коллективной_безопасности, cit. 2025-04-05].

⁷⁶ Понятие «многовекторности», как объясняет Славомир Горак, в данном случае означает поиск партнеров там, где это возможно и удобно. Акценты во внешней политике Узбекистана меняются в зависимости от политической ситуации и интересов в регионе. Основными же векторами являются Россия и Запад (Европа и США). HORÁK, S.: (Ne)závislost Střední Asie na Rusku (případ Uzbekistánu). *Pražské sociálně vědní studie*, Praha 2006, 24 с.

Европой и США. Внешняя политика России также ориентировалась на Запад, а Узбекистану, как и всему центральноазиатскому региону в целом, уделялось второстепенное внимание.⁷⁷ Экономические связи с Россией вследствие разрыва советских хозяйственных цепочек были значительно ослаблены. Товарооборот сократился до минимальных значений, что было обусловлено как кризисом в обеих странах, так и курсом Каримова на экономическую самостоятельность Узбекистана.

Второй период – 1996–1999 гг. В те годы внешняя политика Каримова претерпела изменения под влиянием нестабильности в регионе – гражданской войны в Таджикистане и нападений с территории Афганистана исламских радикалов. Попытка доминирования Узбекистана в центральноазиатском регионе и разрешения критической ситуации обернулась неудачей. Для существенного участия в конфликте на территории Таджикистана оказалось недостаточно ресурсов, и Ташкент стал проигрывать Москве борьбу за политическое и военное влияние в соседней республике. Подъем движения «Талибан» в Афганистане и угроза экстремизма также вызывали беспокойство. Россия, в свою очередь, начала играть роль жизнеспособной силы, способной поддержать безопасность всего региона. Это не понравилось Исламу Каримову, который не хотел, чтобы страна была связана обязательствами, ограничивающими свободу действий, особенно в сфере безопасности. В попытке продемонстрировать противовес чрезмерному российскому влиянию в регионе Узбекистан в 1999 году вышел из ОДКБ, вступил в блок Грузия–Украина–Узбекистан–Азербайджан–Молдова (ГУУАМ)⁷⁸ и начал развивать союзнические отношения с США. Американцам было разрешено размещение на территории Узбекистана военной базы в Ханабаде.⁷⁹

Третий период – 2000–2016 гг. Охлаждение отношений между Узбекистаном и Россией продолжалось до смены власти в Москве в лице нового премьер-министра, а затем и президента Владимира Путина. Интерес России к Центральной Азии, в

⁷⁷ ГАНИЕВ, Р. Т.: *Политика России и Китая в Центральной Азии*. Екатеринбург 2017, с. 41. [online: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47009/1/978-5-7996-2026-4_2017.pdf, cit. 2025-01-25].

⁷⁸ Данная организация была официально создана как политический, стратегический и экономический альянс для укрепления независимости указанных государств. ГУУАМ воспринимался Россией как враждебная группировка, поскольку считался своего рода противовесом СНГ. JIROUŠKOVÁ, K.: *Středoasijské státy v ruské a čínské zahraniční politice – případ Kazachstánu a Uzbekistánu v roli lokálních mocností*. Plzeň 2017, с. 45.

⁷⁹ Там же. С. 43–56.

частности Узбекистану, начал углубляться.⁸⁰ В 2003 году президенты обеих стран провели неформальную встречу. Поворотным моментом в межгосударственных отношениях стало подписание Договора о стратегическом партнерстве (2004 год), а затем и Договора о союзнических отношениях (2005 год). Мощным импульсом к сближению России и Узбекистана стали «Андижанские события» 2005 года,⁸¹ в которых Россия поддержала И. А. Каримова в его действиях против активистов Исламского движения Узбекистана, а США, напротив, осудили чрезмерное применение силы. В ответ на это Узбекистан потребовал вывода из страны американской военной базы. После этих событий связи с Западом разошлись, и Узбекистан начал всесторонне ориентироваться на Россию и Китай.⁸² Именно с этого момента начался наибольший расцвет отношений (как политических, так и экономических) между Узбекистаном и Россией, у которой Каримов искал поддержки, признавая ее своим главным партнером и гарантом безопасности во всем регионе.⁸³ В последующие годы стала наблюдаться сильная ориентация Ислама Каримова на Россию, стало развиваться активное сотрудничество в области экономики, культуры, гуманитарных и технических наук.

Таким образом, взаимодействие между странами в период президентства Каримова было непростым. «Он был, возможно, самым неудобным партнером России в Центральной Азии»,⁸⁴ отмечает политолог из Ташкента – Ильдар Якубов. Несмотря на периоды охлаждения отношений, особенно в 1990-е гг., к концу его президентства двусторонние связи достигли уровня стратегического партнерства. Диктаторский режим Каримова продержался до сентября 2016 года, когда тот умер после 27 лет пребывания во главе государства. По результатам выборов его преемником стал Шавкат Мирзиев (* 1957) – политик, который с самого начала своего выдвижения

⁸⁰ HORÁK, S.: (Ne)závislost Střední Asie na Rusku (případ Uzbekistánu). *Pražské sociálně vědní studie*, Praha 2006, 24 с.

⁸¹ Массовый расстрел мирных жителей в узбекском городе Андижан, причиной которого стали масштабные протесты, вызванные социально-экономической ситуацией в стране (например, коррупцией и безработицей) и авторитарным режимом президента Ислама Каримова. Одним из поводов волнений стал также арест и суд над местными предпринимателями, которых обвиняли в исламском экстремизме. Местные жители считали это политически мотивированным преследованием. См. подробнее ХАЙТБАЕВА, С.: Андижанская резня: воспоминания очевидцев 10 лет спустя. *BBC News*, 2015. [online: https://www.bbc.com/russian/international/2015/05/150513_andijan_anniversary, cit. 2025-04-06].

⁸² JIROUŠKOVÁ, K.: *Středoasijské státy v ruské a čínské zahraniční politice – případ Kazachstánu a Uzbekistánu v roli lokálních mocností*. Plzeň 2017, с. 43–56.

⁸³ HORÁK, S.: (Ne)závislost Střední Asie na Rusku (případ Uzbekistánu). *Pražské sociálně vědní studie*, Praha 2006, 24 с.

⁸⁴ ЯКУБОВ, И.: Возможности и пределы сотрудничества между Узбекистаном и Россией. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 2021 [online: <https://cabar.asia/ru/vozmozhnosti-i-predely-sotrudnichestva-mezhdu-uzbekistanom-i-rossiej>, cit. 2025-01-25].

пользовался полной поддержкой Москвы и по сей день сохраняет «дружеские отношения» с Владимиром Путиным.

С приходом Ш. М. Мирзиеева наступает новый этап в развитии отношений с Россией, был взят курс на их всестороннее углубление.⁸⁵ В отличие от Каримова, Мирзиеев демонстрирует большую открытость к сотрудничеству с Россией, избегая идеологических противоречий. В сфере экономики по-прежнему наблюдается постепенный рост. В политической сфере Узбекистан все так же интенсивно ориентируется на Российскую Федерацию, а в определенных областях на Китай и США (например, здравоохранение, инвестиции и т. д.). В 2022 году, на саммите ШОС, Путин и Мирзиеев подписали Декларацию о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, что символизировало углубление отношений. Несмотря на разговоры о возможном вступлении Узбекистана в ЕАЭС,⁸⁶ Ташкент сохранил приверженность «многовекторности», предпочитая статус наблюдателя (с 2020 года) полной интеграции.⁸⁷ Экономист Юлий Юсупов утверждает, что вступление Узбекистана в ЕАЭС означал бы отказ от присоединения во Всемирную торговую организацию. Еще одним минусом является то, что республика будет вынуждена войти не только в экономический, но и политический союз с Россией, подстраиваясь под ее стандарты: «ЕАЭС изначально не союз равноправных партнеров или даже не объединение стран, где есть несколько центров силы, которые уравнивают друг друга (как ЕС, например). Здесь один центр силы – Россия».⁸⁸

Таким образом, развитие отношений между Узбекистаном и Россией отражает адаптацию к меняющимся геополитическим реалиям. В период президентства И. А. Каримова была заложена институциональная основа для отношений с Россией, основанная на стратегическом партнерстве и союзничестве. Тем не менее, Каримов воспринимал Россию как партнера, но и как потенциальную угрозу суверенитету

⁸⁵ АЛИЕВ, В.: Мирзиеев: отношения с Россией. *Регнум*, 2018. [online: <https://regnum.ru/article/2378464>, cit. 2025-02-02].

⁸⁶ Евразийский экономический союз является международной организацией, созданная в целях экономической интеграции и обеспечения свободного товарооборота, услуг, капитала и рабочей силы между странами-участниками. БАШКИРОВ, С.: Что такое ЕАЭС и какие страны входят в союз. *РБК Тренды*, 2024. [online: <https://trends.rbc.ru/trends/social/65e56b4a9a7947aed364fd2f?from=copy>, cit. 2025-04-22].

⁸⁷ ЯКУБОВ, И.: Возможности и пределы сотрудничества между Узбекистаном и Россией. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 2021 [online: <https://cabar.asia/ru/vozmozhnosti-i-predely-sotrudnichestva-mezhdu-uzbekistanom-i-rossiej>, cit. 2025-01-25].

⁸⁸ ЮСУПОВ, Ю.: Клуб заложников российской политики. *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2019. [online: <https://fergana.agency/articles/111489/?country=uz>, cit. 2025-04-22].

страны. Ш. М. Мирзиёев, в свою очередь, трансформировал эти отношения в пользу экономических выгод и модернизации, что впоследствии привело к росту товарооборота и инвестиций. Нынешний президент Узбекистана, как и Ислам Каримов, сохраняет диктаторский режим, лояльный Москве. Однако оба лидера сохранили приверженность «многовекторной» политике, направленную на поддержание союзнических отношений, как с Россией, Китаем, так и с западными странами.

3 Анализ выбранных научных трудов и публикаций узбекских историков

3.1 Восприятие периода царской России в узбекской историографии

Прежде чем перейти непосредственно к анализу научных трудов, необходимо отметить, что в прошлом вопрос завоевания Российской империей территорий современного Узбекистана трактовался по-разному. Рахбар Халикова (* 1957) – узбекский исследователь и заведующая кафедрой истории Узбекистана Ташкентского государственного технического университета – отмечает, что «за долгие годы колониализма многие проблемы истории Родины были умышленно сфальсифицированы и искажены в угоду имперской политике царской России и коммунистической идеологии советского государства. В результате пострадала правда».⁸⁹ Ученый-историк и заведующая Отделом историографии и источниковедения Института истории АН РУз – Дилором Алимова (* 1948), в свою очередь, утверждает, что российские исследователи-гуманитарии, пришедшие в то время в регион вместе с военными, сделали очень многое для его изучения, но находились при этом на позиции, объясняющей вторжение «цивилизаторской миссией» России.⁹⁰ В советское время этот вопрос толковался в зависимости от политических требований. В 20–30-е гг. XX века советские историки гневно клеймили колонизаторство. В годы второй мировой войны стала актуальной история национально-освободительных движений в Центральной Азии. После состоявшегося в 1956 г. XX съезда КПСС присоединение народов Средней Азии к России трактовалось как «добровольное». Таким образом, в советский период этот вопрос рассматривался как однозначно позитивный – утверждалось, что Россия принесла в Туркестан цивилизацию и культуру. В горбачевский период мнение историков Узбекистана по нахождению региона в составе Российской империи разделилось на две позиции. Одна из них основывалась на привычной для советского времени идее о «добровольном вхождении», вторая же полностью отрицала предыдущую позицию, объясняя это тем, что народы Центральной Азии, исповедовавшие ислам, «не могли войти добровольно в состав христианского

⁸⁹ ХАЛИКОВА, Р. Э.: *Из истории Туркестанского края: политика завоевания и колонизации Российской империей*. Ташкент 2024, с. 7.

⁹⁰ АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008, с. 96.

"государства-монстра", которое в течение последних 300 лет фактически занималось только завоеванием новых территорий».⁹¹

В настоящее время историки Узбекистана опровергают миф о «добровольном присоединении» Туркестана к России. В ходе анализа научных работ нами было замечено, что взгляд исследователей – представителей «официальной» (или «национальной») историографической школы, чья деятельность осуществляется в Академии наук РУз, а также в государственных учебных учреждениях (преимущественно в университетах) – носит ярко выраженный негативный оттенок относительно нахождения территории современного Узбекистана в составе Российской империи. Царская Россия предстает в образе колонизатора, угнетателя, оккупанта, а ее политика признана агрессивной, захватнической, шовинистической, насильственной и т. п. Период с начала завоевания Туркестана (60–70-е гг. XIX века) до распада Советского Союза преподносится как «колониальный» и описывается как годы унижения, страха под гнетом России, а также как годы упорной национально-освободительной борьбы за независимость. Другую группу представляют историки, позиционирующие себя в качестве независимых исследователей, отказываются от жесткой критики в сторону Российской империи и ее влияния в Центральной Азии. Это представители «альтернативной» или же «конкурентной» историографической школы. Они признают имперскую суть политики России, но, тем не менее, призывают видеть и позитивные изменения в регионе – например, развитие капитализма и промышленности.

Первым делом перейдем к подробному рассмотрению основных тенденций в восприятии царской России республиканскими учеными, деятельность которых осуществляется в государственных институтах (Академии наук Узбекистана, а также ведущих университетах страны).

Напомним, что последняя и самая богатая колония России, названная сначала Туркестанской областью (1865 г.), а затем Туркестанским генерал-губернаторством и официально оформленная в 1867 г. по площади территории (1,5 млн. кв. верст) была больше, чем вместе взятые территории Австро-Венгрии, Германии и Франции. Историк

⁹¹ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: К некоторым парадигмам в новой истории Центральной Азии. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей*. Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018, с. 121. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-12].

Файзулла Исхаков (1936–2010) еще в советские годы занимал должность начальника отдела «Главлита», вел преподавательскую деятельность в институтах Ташкента, а также состоял в рядах КПСС. После 1991 года начал работать начальником отдела в Институте истории Академии наук Узбекистана. Работы Ф. Б. Исхакова «Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.)» и «Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX вв.» полны критики в адрес российской власти. Он пишет о том, что, завоевав центральноазиатский регион, Россия значительно укрепила свои военно-политические и дипломатические позиции среди колониальных держав, а также получила ряд таких выгод, как выход на побережье Каспийского моря и к границам с Афганистаном, Китаем, Ираном и Индией.⁹² К одним из главных обвинений в сторону Российской империи автор относит экономическую эксплуатацию ресурсов завоеванной территории. Историк отмечает, что Россия отнимала готовые блага, которыми был так богат центральноазиатский регион, но при этом не уделяла должного внимания развитию своих собственных земель.⁹³ В вышеуказанных трудах Исхаков перечисляет уничижительные действия русских при завоевании территории, подчеркивая то, они чувствовали себя победителями и всячески издевались над местными жителями. Переселенцев из России исследователь характеризует как проводников «великорусской политики» и «экспансионистской практики» царизма.⁹⁴ Он описывает их как «люмпенизированное, шовинистически настроенное славянское население».⁹⁵

Научная деятельность узбекского историка Хамида Зияева (1923–2015) протекала в основном в советский период. Он работал в Институте истории Академии наук Узбекистана, возглавлял отдел «Новой истории Узбекистана», а также занимал должность заместителя директора института. Множество трудов Х. Зияева посвящено истории узбекско-русских отношений – это, например, работы «Ўзбекистон ва Сибир (XVI–XIX асрлар)» (Узбекистан и Сибирь (XVI–XIX вв.))⁹⁶, «Ўзбекистон ва Волга бўйлари (XVI асрнинг иккинчи ярми – XIX асрлар)» (Узбекистан и Поволжье (вторая половина XVI – XIX вв.))⁹⁷ и многие другие, в которых автор дает понять, что

⁹² ИСХАКОВ, Ф. Б.: *Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.)*. Ташкент 1997, с. 9.

⁹³ ИСХАКОВ, Ф. Б.: *Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX вв.* Ташкент 2009.

⁹⁴ ИСХАКОВ, Ф. Б.: *Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.)*. Ташкент 1997, с. 12, 125, 159.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ЗИЯЕВ, Х.: *Ўзбекистон ва Сибир (XVI–XIX асрлар)*. Тошкент 2011.

⁹⁷ ЗИЯЕВ, Х.: *Ўзбекистон ва Волга бўйлари (XVI асрнинг иккинчи ярми – XIX асрлар)*. Тошкент 2011.

торговые отношения были выгодными для обеих сторон. Узбекские ханства старались всячески развивать отношения с Россией, в регионе существовала потребность в русских товарах. В 2006 году автор издает свой труд под названием «Ўзбекистон мустамлака ва зулум исканжасида (XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошлари)» (Узбекистан в тисках колониального и национального гнета (вторая половина XVI – начало XX в.)), в котором описывается процесс превращения края в сырьевой придаток и рынок промышленных изделий Российской империи, а также рассматривается влияние колониальной политики на социально-экономическое положение местных жителей.⁹⁸ В работе «Туркистонда Россия тажовузи ва хукмронлигига қарши кураш (XVIII–XX аср бошлари)» (Борьба против нашествия и господства России в Туркестане (XVIII – начало XX в.))⁹⁹ и других статьях Зияева¹⁰⁰ рассматриваются вопросы национально-освободительной борьбы. В них автор называет завоевание Туркестана «военной агрессией царизма». В 2012 году ученый, проделав кропотливую работу, выпустил расширенную версию вышеуказанной книги, дав ей название «Россиянинг Козон, Астрахан, Сибир, Крим, Кавказ ва Туркистонга тажовузи ва хукмронлигига қарши курашлар» (Борьба против нашествия и владычества России в Казани, Астрахани, Сибири, Крыме, Кавказе и Туркестане).¹⁰¹ В данной работе автор, используя широкий круг русских и местных источников, исследовал начало и последующее движение России в Центральную Азию путем военных действий и уничтожением людей, городов и сел.

Востоковед Гуломжон Ахмаджонов (1928–2014), который также являлся сотрудником Института истории Академии наук Узбекистана, придерживается критики в сторону царской России. В монографии «Россия империяси Марказий Осиёда» (Российская империя в Центральной Азии) автор отмечает, что завоевание региона Центральной Азии было актом насильственного подчинения, сопровождаемого значительными разрушениями и массовыми жертвами среди мирного населения.¹⁰² Историк рассматривает Россию XIX века как агрессивную колониальную империю,

⁹⁸ ЗИЯЕВ, Х.: *Ўзбекистон мустамлака ва зулум исканжасида (XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошлари)*. Тошкент 2006.

⁹⁹ ЗИЯЕВ, Х.: *Туркистонда Россия тажовузи ва хукмронлигига қарши кураш (XVIII–XX аср бошлари)*. Тошкент 1998.

¹⁰⁰ См. подробнее АБДУРАХМОНОВ, М. – ШАРОФИДДИНОВ, А.: *Хамид Зияевнинг хаёти, илмий педагогик фаолияти (1923–2013)*. Тошкент 2013.

¹⁰¹ ЗИЯЕВ, Х.: *Россиянинг Козон, Астрахан, Сибир, Крим, Кавказ ва Туркистонга тажовузи ва хукмронлигига қарши курашлар*. Тошкент 2012.

¹⁰² АХМАДЖОНОВ, Г. А.: *Россия империяси Марказий Осиёда*. Тошкент 2003.

проводившую жесткую политику в отношении региона и его местных жителей. Он подчеркивает, что под предлогом «цивилизаторской миссии» Россия в действительности эксплуатировала регион. Ссылаясь на архивные материалы, официальные документы и письма русских чиновников, в которых проявляется презрительное отношение к местным жителям, утверждает, что Россия использовала жестокие методы для подавления сопротивления среди населения. Например, крупное восстание 1916 года¹⁰³ было подавлено при помощи уничтожения деревень и казнями мирных жителей.¹⁰⁴ Имперская политика, по мнению автора, была также направлена на уничтожение уникальной идентичности узбекского народа, которое сопровождалось разрушением традиционных культурных институтов (например, медресе) и внедрением русификации. Положительные действия России все-таки признаются, но они минимальны. Ахмаджонов пишет о том, что российская власть принесла региону определенные элементы модернизации (транспортная инфраструктура, новые технологии), однако он считает эти достижения недостаточными для оправдания масштабов нанесенного ущерба.¹⁰⁵

Не изменяя традициям «национальной» историографической школы, на насильственное завоевание Туркестана указывает заведующая кафедрой истории Узбекистана Ташкентского государственного технического университета Рахбар Халикова (* 1957). Она пишет о том, что политика царской России была захватнической – ее великодержавные амбиции и соблазн овладеть огромными богатствами сделали Туркестанский край объектом эксплуатации и прямого грабежа.¹⁰⁶ Цели России отражали борьбу за рынки сбыта, источники сырья, эксплуатацию дешевой рабочей силы и увеличение капитала. Одним из основных причин захвата Центральной Азии стало также англо-русское соперничество. По мнению Халиковой, Царская Россия и Англия боялись друг друга: «Россия – проникновения Англии в

103 В России оно известно как среднеазиатское восстание 1916 года. В странах Центральной Азии это восстание называют национально-освободительным движением против царской власти. Отправной точкой масштабного восстания стал указ российского императора Николая II о мобилизации мужского «иностранческого» населения Туркестана и Степного края на тыловые работы в прифронтовых районах. Недовольство восставших, помимо этого, вызывало ухудшение экономического положения в регионе, а также изъятие правительством земель у местных жителей для передачи их в собственность русским переселенцам. КАЛИШЕВСКИЙ, М.: Трагедия 1916 года: Десяносто пять лет со дня восстания. *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2011. [online: <https://www.fergananews.com/article.php?id=7003>, cit. 2025-04-22].

104 АХМАДЖОНОВ, Г. А.: *Россия империяси Марказий Осиёда*. Тошкент 2003, с. 84–115.

105 Там же. С. 216–227.

106 ХАЛИКОВА, Р. Э.: *Из истории Туркестанского края: политика завоевания и колонизации Российской империей*. Ташкент 2024.

Среднюю Азию через Афганистан и Иран и захвата ее, а Англия – проникновения царской России в Индию и установления российского контроля за этой «жемчужиной английской короны», как называли ее тогда в Великобритании».¹⁰⁷ Россия оказывала давление на Англию, пытаясь добиться выхода в Черное и Средиземное моря, а также стремилась восстановить подпорченный после поражения в войне с Турцией (1853–1856 гг.) международный престиж. Исследователь утверждает, что система царского управления Туркестаном ориентировалась на военные методы и экономическое принуждение, а «искусственное насаждение основ российской системы управления подрывало возможности естественной эволюции национальных государств региона».¹⁰⁸ В своей монографии «Из истории Туркестанского края: политика завоевания и колонизации Российской империей» Халикова не раз характеризует царскую политику как шовинистическую и направленную на национальное угнетение, лишение Туркестана всех прав.

Историк и директор Государственного музея истории Узбекистана,¹⁰⁹ Жаннат Исмаилова (* 1959) в своем труде под названием «Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX в. (на примере восстания 1916 г. в Ферганской долине)» подчеркивает, что в крае «укреплялись стратегические позиции метрополии, закладывалась колониальная схема размещения производительных сил, усиливалось национальное угнетение и несправедливость».¹¹⁰ Проводимая Россией политика, по мнению автора, способствовала росту национального самосознания, а затем и антиколониальной борьбе массового национально-освободительного движения с целью восстановления независимости. Это, например, «Бунт чумы» 1892 г. в Ташкенте, восстание Дукчи Ишана 1898 г. в Андижане и восстания в Джизаке в 1916 г.

О царской России как о преграде на пути к национальной независимости и свободе говорится также в коллективной монографии академиков АН РУз «Очерки по истории государственности Узбекистана».¹¹¹ Российский колониализм, по мнению историков, нанес «серьезный ущерб социокультурным параметрам общества и заложил

¹⁰⁷ ХАЛИКОВА, Р. Э.: *Из истории Туркестанского края: политика завоевания и колонизации Российской империей*. Ташкент 2024, с. 181.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Музей входит в состав Академии наук Узбекистана.

¹¹⁰ ИСМАИЛОВА, Ж. Х.: *Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX века (на примере восстания 1916 года в Ферганской долине)*. Ташкент 2002.

¹¹¹ АЛИМОВА, Д. А. – РТВЕЛАДЗЕ, Э. В.: *Очерки по истории государственности Узбекистана*. Ташкент 2001.

предпосылки его насильственной советизации в новейшее время».¹¹² Авторы утверждают, что политика России в это время разрушила самобытность и национальную государственность узбекского народа, служила его закабалению и выкачиванию сырьевых ресурсов края.

В работе «Материалы по изучению истории Узбекистана» историка и сотрудника кафедры общественных наук Наманганского государственного технического университета Натальи Лукашовой (* 1962) утверждается, что Россия имела великодержавные, гегемонистские устремления и рассматривала завоеванный край как неприятельскую территорию с враждебным населением.¹¹³ Она подвергает критике и переселенческую политику царской России – та отнимала земли у узбекских, туркменских, каракалпакских крестьян, которые были по принуждению переселены на новые, необжитые места.¹¹⁴ Автор монографии называет такой захват земель насильственным и негативно относится к массовому переселению русского населения в Туркестан, т. к. это было сделано для укрепления власти на завоеванной территории. Основание русских селений, по мнению автора, вызвало недовольство местных жителей, т. к. поселенцы получили земли даром и, помимо этого, им было выдано пособие на обзаведение хозяйством.

Ряд исследователей указывают на то, что российское правительство стремилось к «этнографическому» завоеванию земель, которое сопровождалось насильственной русификацией. Авторы коллективной монографии «Межнациональная толерантность в Узбекистане: история и современность» заявляют о том, что русская культура выступала средством русификации населения и стремилась к ослаблению влияния ислама.¹¹⁵ Исследователь и профессор Ташкентского государственного университета им. Мирзо Улугбека Гавхаршод Рустамова (* 1958) осуждает царскую власть, указывая на разрушение национального менталитета, традиций, а также обвиняет ее во внушении жителям русского образа жизни, которое впоследствии привело к ассимиляции. Она подчеркивает, что Россия была государством «с преимущественно

¹¹² АЛИМОВА, Д. А. – РТВЕЛАДЗЕ, Э. В.: *Очерки по истории государственности Узбекистана*. Ташкент 2001, с. 140.

¹¹³ ЛУКАШОВА, Н. М.: *Материалы по изучению истории Узбекистана*. Наманган 2001, с. 197–198.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ АТА-МИРЗАЕВ, О. – ГЕНШКЕ, В. – МУРТАЗАЕВА, Р.: *Межнациональная толерантность в Узбекистане: история и современность*. Ташкент 2004, с. 91.

фискальными заботами, откровенно колонизаторскими и русификаторскими намерениями, узаконенной дискриминацией жизни коренных народов».¹¹⁶

Образ России как агрессора представлен в первой книге трехтомной коллективной монографии «Ўзбекистоннинг янги тарихи» (Новая история Узбекистана), посвященной истории Туркестана в период царской России («Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида»)).¹¹⁷ В данной работе отмечается, что Российская империя, используя военную силу, сломила сопротивление народов Центральной Азии и установила колониальный порядок. К негативным последствиям этого господства авторы относят экономическую эксплуатацию края в интересах России (Туркестан был превращен в источник сырья для российской промышленности), изъятие земель у местного населения, переселение русских крестьян, русификация и ограничение прав коренного населения. Вместе с тем в работе отмечаются и некоторые позитивные изменения – развитие промышленности, строительство библиотек, школ, больниц, железных дорог.

Историки и по совместительству старшие научные сотрудники Института истории Академии наук Узбекистана – Равшан Абдуллаев (* 1959) и Саидакбар Агзамходжаев (* 1953) выпустили в 2000 году монографию «Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости». К последствиям господства России в Туркестане авторы относят длительную стагнацию, снижение уровня жизни и обнищание большинства жителей. По мнению исследователей, к этому привела насильственная модернизация общества на западный лад. Они негативно оценивают привилегированное положение переселенцев, неограниченное господство колониально-административного аппарата и бесправие коренного населения. Процесс модернизации, как отмечают авторы монографии, был навязан извне и ставил под угрозу разрушение традиционных ценностей народа. Колонизаторские действия России подрывали привычную структуру туркестанского хозяйства, а также содействовали застою, отсталости, росту безработицы и падению уровня жизни.¹¹⁸

¹¹⁶ РУСТАМОВА, Г. К.: *Колониальная сущность царской и большевистской власти в Туркестане (1867–1924 гг.)*. Ташкент 1999, с. 3.

¹¹⁷ СОДИКОВ, Х. – ШАМСУТДИНОВ, Р. ва бошк. *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. Биринчи китоб: *Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида*. Тошкент 2000.

¹¹⁸ АБДУЛЛАЕВ, Р. М. – АГЗАМХОДЖАЕВ, С. С.: *Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости*. Ташкент 2000.

Далее перейдем к анализу научных трудов историков, воздерживающихся от резкой критики по отношению к России и указывающих на позитивные стороны присоединения центральноазиатского региона к Российской империи.

Одним из ученых, чьи взгляды на политику России в отношении региона не совпадают со взглядами вышеуказанных исследователей, является Георгий Никитенко (* 1947) – член Академии наук Узбекистана. В своей статье «Хива под протекторатом Российской империи» автор не признает Россию колониальным государством и не считает русскую политику антинациональной.¹¹⁹ Он утверждает, что она не была направлена на разрушение традиционных порядков и устоев, а наоборот способствовала развитию торгово-транспортных связей, промышленности, образования.

Подобного мнения придерживается историк Бахтиер Алимджанов (* 1985), позиционирующий себя в качестве независимого исследователя и относящийся к молодому поколению ученых. Алимджанов является выпускником и сотрудником Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Мнение исследователя касательно России и ее политики в регионе отличается от большинства республиканских ученых. Он считает, что отношение между Туркестаном и Россией представляли собой «добровольное сотрудничество», которое принесло выгоду обеим сторонам. Б. А. Алимджанов вступает в спор с учеными Академии наук Узбекистана и отрицает мнение о том, что Россия грабила регион вывозом сырья. Исследователь подчеркивает, что, благодаря успеху политики Российской империи в Туркестане, Советский Союз в дальнейшем «был обеспечен собственным хлопком». В своей работе под названием «Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.)» Алимджанов отмечает, что главное достижение России состояло в том, что «она покончила с войнами и грабежами, произволом местных элит и открыла широкий путь для развития торговли и производства».¹²⁰ Вхождение Туркестана в состав Российской империи «позволило ему пользоваться всеми благами европейской цивилизации».¹²¹ По мнению автора, «особую выгоду от присоединения к российской экономической системе

¹¹⁹ НИКИТЕНКО, Г. Н.: Хива под протекторатом Российской империи. *Общественные науки в Узбекистане*, 1997, № 7–8, с. 30–41.

¹²⁰ АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: *Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Санкт-Петербург 2016, с. 170.

¹²¹ Там же. С. 170–171.

получили местные торговцы и предприниматели».¹²² Увеличению товарообмена между Туркестаном и центром Российской империи способствовало строительство Закаспийской и Оренбург–Ташкентской железных дорог. Таким образом, Бахтиер Алимджанов оценивает присоединение территорий Центральной Азии к России и укрепление связей с позитивной точки зрения, т. к. это привело к ускоренному развитию региона.

В исследованиях Шухрата Мухамедова (* 1960) прослеживается синтетический подход к изучению периода царской России. Историк, к слову, является сотрудником кафедры социально-гуманитарных дисциплин в филиале Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте. Мухамедов отмечает, что вхождение края в состав Российской империи было безболезненным, а также подчеркивает, что расположенные в Туркестанском крае феодальные ханства в то время уже экономически деградировали: «Постоянные междоусобные войны между Бухарским эмиратом, Кокандским и Хивинским ханствами ослабляли экономику государств Средней Азии и тяжелым бременем ложились на трудовые слои населения. Отсталое экономическое положение сказывалось и на развитии просвещения и культуры».¹²³ Россия же, в свою очередь, привнесла новые, капиталистические отношения и прогрессивную европейскую культуру, развитую благодаря стараниям выдающихся российских ученых и деятелей культуры. Автор приходит к выводу о том, что после прихода в регион Российское государство установило новый «цивилизационный порядок».¹²⁴ Государственное устройство России Мухамедов расценивает как технически и организационно высокого уровня по сравнению с государствами Центральной Азии тех времен. В этом он видит большую заслугу Петра I и его «переводу» России на «европейский путь» развития, давшем впоследствии колоссальные результаты.¹²⁵ Благодаря «великому делу» Петра I

¹²² АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: *Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Санкт-Петербург 2016, с. 170–171.

¹²³ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: К некоторым парадигмам в новой истории Центральной Азии. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей*. Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018, с. 131. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-17].

¹²⁴ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: *Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии*. Ташкент 2016, с. 10–11.

¹²⁵ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века. *Метаморфозы истории*, 2013, № 4, с. 310. [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-russkogo-turkestana-pravda-i-vymysel-vzglyad-istorika-iz-xxi-veka>, cit. 2025-03-17].

«Россия семимильными шагами ушла вперед», став крупнейшей мировой державой.¹²⁶ Ученый приходит к выводу, что «Российская империя после завоевания Средней Азии приносит в регион последние достижения науки и техники. Однако все это было сделано в интересах развития именно экономики Российского государства».¹²⁷ Ш. Б. Мухамедов указывает и на некоторые отрицательные последствия политики Российской империи. Это, например, несовершенство системы управления, незнание чиновниками местных обычаев и традиций, неуклюжие и недостаточно продуманные действия в области культуры и образования.¹²⁸ В качестве доказательной базы историк использует размышления, а также оценки известных русских государственных и общественных деятелей, таких как Г. П. Федоров (руководитель канцелярии туркестанского генерал-губернатора), К. К. Паллен (тайный советник, гофмейстер и сенатор) и др. Тем не менее, историк все же делает упор на позитивные стороны развития центральноазиатского региона в составе России. Например, благодаря строительству железных дорог, жители региона наконец-то могли путешествовать, видеть другие страны и сравнивать их развитие. «В целом Туркестанское общество становится полиэтническим и многоконфессиональным, что в целом было положительным событием. Регион, благодаря таким изменениям, просыпается от спячки. Многовековые традиции толерантности Великого шелкового пути, закрепившиеся на генетическом уровне, позволили жителям региона сосуществовать с представителями многих этносов и конфессий, приехавшими на проживание в их родной край. Местные народы стали многому учиться и брать все самое новое и полезное из российско-христианской цивилизации».¹²⁹ Одним из минусов российских администраторов, по мнению Мухамедова, было то, что они «за очень короткий срок хотели "русифицировать" местное среднеазиатское население через школьное образование». При этом данный подход не дал значимых плодов и «за весь период деятельности русско-туземных школ их оканчивают всего лишь нескольких тысяч

¹²⁶ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века. *Метаморфозы истории*, 2013, № 4, с. 310. [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-russkogo-turkestana-pravda-i-vymysel-vzglyad-istorika-iz-xxi-veka>, cit. 2025-03-17].

¹²⁷ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: *Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии*. Ташкент 2016, с. 10–11.

¹²⁸ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: К некоторым парадигмам в новой истории Центральной Азии. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей*. Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018, с. 128–129. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-18].

¹²⁹ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: *Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии*. Ташкент 2016, с. 10–11.

человек, из которых русский язык в совершенстве знают не более сотни».¹³⁰ Тем не менее, отдельные слои местного населения (в особенности национальная интеллигенция) стремились изучать русский язык и приобщиться к русской культуре. Автор приходит к выводу о том, что в итоге произошло «взаимовлияние и взаимообогащение восточной и европейской культуры, науки и образования».¹³¹ Города Туркестана делились на старую и новую части, с приходом русских в одном городе стали соседствовать две культуры: «это было соседство азиатской и европейской цивилизаций».¹³² Историк подчеркивает, что российская администрация создавала хорошие условия для своей жизнедеятельности и для прибывших. Например, новая часть города Ташкента строилась по европейскому стилю: строились новые административные здания, совершенно отличавшиеся от других местных строений, что создавало особый контраст; замащивались улицы, высаживались разные деревья – тополя, ясени и т. д. В 70–80-е гг. XIX века в городе открылась библиотека, музеи, начала свою деятельность первая типография и стали печататься газеты «Туркестанские ведомости», «Туркестанская туземная газета».¹³³

Еще один известный ученый и член Академии наук Узбекистана Эдвард Ртвеладзе (1942–2022), который являлся специалистом не только в области истории, но также археологии, культуры и искусства Центральной Азии, в своей публикации под названием «Штрих к познанию исторической проблемы» подчеркивает небезупречность изучения колониального периода представителями «национальной» историографической школы. Основное внимание, как справедливо отмечает исследователь, уделяется негативным сторонам российской колонизации и отрицательной роли русских в данном процессе. По мнению Ртвеладзе, доминирование нового взгляда на разрушительную силу русских в колонизации Центральной Азии является некорректным, политически обусловленным и односторонним. Весь процесс колонизации центральноазиатского региона автор считает нужным рассматривать как

¹³⁰ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: К некоторым парадигмам в новой истории Центральной Азии. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей*. Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018, с. 128–129. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-18].

¹³¹ МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века. *Метаморфозы истории*, 2013, №4, с. 305. [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-russkogo-turkestana-pravda-i-vymysel-vzglyad-istorika-iz-xxi-veka>, cit. 2025-03-17].

¹³² МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: Русская колонизация Туркестана: изменения в быту и нравах коренного населения. In: *Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции*. Ташкент 2009, с. 47.

¹³³ Там же.

часть глобального и меняющегося исторического процесса противостояния Европы и Азии. Это противостояние, по словам автора, началось с великой миграции индоевропейских народов в Азию, продолжилось вторжением Ахеменидов в Элладу, походом Александра Македонского, когда он впервые в истории человечества попытался объединить Восток и Запад. Затем началось наступление азиатских кочевников на Европу (напр., печенеги, половцы, монголы, турки-османы). Исследователь подчеркивает, что новая фаза России как Российской империи с прирастающими колониями началась при покорении донского атамана Ермака Западной Сибири и закончилась захватом Центральной Азии. Тем самым, историк призывает своих коллег ко всестороннему, комплексно-аналитическому познанию исторического процесса, с учетом научно обоснованных фактов. Э. Ртвеладзе считает неправильным то, что в современной узбекской историографии остается незамеченным внедрение в регион на тот момент передовых достижений, а также вклад российских ученых, инженеров, медработников, педагогов, деятелей культуры в научное познание Центральной Азии.¹³⁴

3.2 Восприятие Советского Союза в узбекской историографии

В советское время вступление Узбекистана в состав СССР рассматривалось как «добровольное» и было событием «огромного исторического значения», а русский народ характеризовался как великий и бескорыстно помогающий другим народам Советского Союза.¹³⁵ В современной «официальной» историографии Узбекистана доминирует негативное восприятие Советского Союза. Он воспринимается как сила, продолжившая политику Российской империи. Ученые Института истории Академии наук Узбекистана продолжают называть данный период, в первую очередь, «колониальным» или периодом «национального угнетения», нанесшим ущерб идентичности и культуре местного населения. Образ русских как «старших братьев» сменился образом «жестоких захватчиков», принесших «горе и боль» узбекскому народу.

¹³⁴ РТВЕЛАДЗЕ, Э.: Штрих к познанию исторической проблемы. In: *Россия-Узбекистан: в прошлом и настоящем. Люди. События. Размышления*. Сост. А. Б. Джумаев, Ю. В. Подпоренко и др. Ташкент 2000, с. 8–11.

¹³⁵ ТУРСУНОВ, Х. Т.: Из истории образования Узбекской ССР и коммунистической партии Узбекистана. *Общественные науки в Узбекистане*, 1984, № 2, с. 3–9. [online: <https://core.ac.uk/download/pdf/162464684.pdf>, cit. 2025-03-19].

В первые годы независимости в Узбекистане наблюдается заметный исторический интерес к теме Октябрьской революции и ее последствий. Профессор кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана Рахбар Муртазаева (* 1950) утверждает, что коренное население Туркестана радостно приветствовало Февральскую революцию и свержение царя, т. к. у них наконец появилась надежда на справедливость. Они верили, что униженные люди смогут быть свободными, однако установление советского режима не оправдало их надежд. Узбекистан, по мнению автора, продолжал восприниматься как источник сырья и русская колония. По мнению ученого, невозможность реформ, непродуктивность модели советской власти, а также резко ухудшившееся социальное положение людей в конце концов привели тоталитаризм к распаду.¹³⁶

В свою очередь, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Узбекистана и профессор кафедры «История и источниковедение ислама» Международной исламской академии Саидакбар Агзамходжаев (* 1953) подчеркивает, что отношение местного населения к событиям октября 1917 года было отрицательным: «Это было связано, в первую очередь, с антинародной и антинациональной деятельностью ленинцев, которые на словах выступали за демократию, социальное равноправие, за право наций на самоопределение, а в реальной жизни не считались с национальными интересами, религиозными чувствами, вековыми традициями мусульман, противились допуску их представителей к краевым органам власти и управления».¹³⁷ В монографии «История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти)» Агзамходжаев обвиняет большевиков в великодержавном шовинизме и нежелании считаться с потребностями коренного населения, что впоследствии послужило причиной антисоветской борьбы среди жителей. «Мусульманские национально-патриотические организации пошли на разрыв отношений с Советской властью и, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, вынуждены были ускорить объявление Туркестанской автономии».¹³⁸ Исследователь утверждает, что вначале Туркестанская автономия не имела цели разорвать связи с Россией. «Речь шла о суверенитете в рамках единого государственного пространства России, но России демократической, способной содействовать историческому

¹³⁶ МУРТАЗАЕВА, Р. Х.: *История Узбекистана*. Ташкент 2011.

¹³⁷ АГЗАМХОДЖАЕВ, С.: *История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти)*. Ташкент 2006.

¹³⁸ Там же. С. 260–262.

прогрессу народов Туркестана».¹³⁹ Однако образование Туркестанской автономии, как отмечает автор, крайне не понравилось большевикам. В связи с этим они «стремились в корне истребить любое проявление стремления местного населения к достижению независимости», и в конечном итоге зарождавшаяся национальная государственность была жестоко подавлена.

В число крупных работ входит также монография «Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости», посвященная периоду становления советской власти в Туркестане (1917–1924 гг.).¹⁴⁰ Главная мысль остается прежней: «в Туркестане был установлен советский государственный строй без участия в этом самих народов края».¹⁴¹ Авторы подчеркивают, что «советская национальная политика отличалась имперской направленностью», а также, что колонизаторская политика царской России была продолжена и в период СССР. К одному из царских наследий ученые относят курс на превращение страны в сырьевой придаток России, а именно в основную хлопковую базу. Отсюда вытекает признание политики советской власти грабительской. Национально-территориальное размежевание центральноазиатского региона расценивается авторами как «искусно надуманная акция, продиктованная интересами борьбы с главным идеологическим противником – национально-освободительным движением». Освещение данного вопроса в советской историографии вопроса подвергается авторами резкой критике, т. к. оно основано на классовом подходе с игнорированием местных общественно-политических и социально-экономических особенностей.

Уже упомянутый нами историк Хамид Зияев (1923–2015) одним из первых начал называть «Октябрьскую революцию» – «переворотом», «социалистический строй» – «рабовладельческим укладом», «присоединение Средней Азии» – «завоеванием», а все восстания на территории страны – «борьбой за свободу и независимость Родины».¹⁴² Зияев отмечает, что деятельность советской власти – ликвидация частной собственности, свободного рынка, установление государственной собственности на природные ресурсы – оторвало население от их корней и традиций. В статье под названием

¹³⁹ АГЗАМХОДЖАЕВ, С.: *История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти)*. Ташкент 2006, с. 262.

¹⁴⁰ АБДУЛЛАЕВ, Р. М. – АГЗАМХОДЖАЕВ, С. С.: *Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости*. Ташкент 2000.

¹⁴¹ Там же. С. 166–167.

¹⁴² ЗИЯЕВ, Х.: Истиклол учун бирлашайлик. *Ўзбекистон адабиети ва санъати*, 1991, № 7, с. 5.

«Занжирбанд хукмдорлар» (Правители, закованные в цепи), написанной в 1992 году, автор рассматривает деятельность первых секретарей компартии Узбекистана.¹⁴³ Он подчеркивает, что руководители республики были лишены самостоятельности и находились в полной зависимости от Москвы. В статье «Совет империяси нима учун ағдарилди?» (Каковы причины крушения Советской империи?) Зияев анализирует причины распада СССР: «Все грехи таились в великодержавном шовинизме и фиктивном "социализме"», под которым скрывалось «рабовладельческое государство».¹⁴⁴ Исследователь характеризует Россию советского времени как отсталую страну Европы, которая «хищническим образом» боролась с собственными «подданными». Народы союзных республик, по мнению автора, находились в тисках колониальной и антинациональной политики советской власти, результатом которой стало «обнищание духовной жизни» (например, запрет религии, традиций), разрушение и разграбление шедевров национальной культуры – «вместо запрещенных национальных идей, насильственным образом воплощались в жизнь коммунистическая идеология, пропитанная духом колонизаторской политики, шовинизма и рабства».¹⁴⁵ Главным фактором, повлиявшим на распад СССР, Зияев называет «рабовладельческий строй». Свою статью автор подытоживает словами «Советский Союз был врагом всего человечества. И это останется на все времена».¹⁴⁶

Большое внимание республиканских историков уделяется отрицательным последствиям советской власти в различных областях (например, экономика и экология). Так, например, Замира Ишанходжаева (* 1956) – сотрудник кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека – в своей монографии «Репрессивная политика Советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.)» сравнивает приход к власти большевиков с наступлением смутного (тревожного, беспокойного) времени, заблокировавшим естественно-исторический прогресс.¹⁴⁷ По мнению исследователя, к моменту Октябрьского переворота узбекский народ со своей тысячелетней историей обладал «богатейшим культурным наследием», однако установление советской власти

¹⁴³ ЗИЯЕВ, Х.: Занжирбанд хукмдорлар. *Узбекистон адабиети ва санъати*, 1992, № 38, с. 2.

¹⁴⁴ ЗИЯЕВ, Х.: Совет империяси нима учун ағдарилди?. In: *Тарихнинг очилмаган саҳифалари*. Тошкент 2003, с. 166–172.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ ИШАНХОДЖАЕВА, З. Р.: *Репрессивная политика Советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.)*. Ташкент 2011.

привело к «духовному закабалению» народа, которое сопровождалось «пагубной практикой атеистического экстремизма», установлением идеологического контроля, подавлением национального самосознания, искоренением инакомыслия и преследованием представителей интеллигенции.¹⁴⁸ Автор пишет: «Советской властью фактически осуществлялась колониальная политика, проводимая в обстановке политического террора, когда попирались права человека, национальные и общечеловеческие ценности». Тем не менее, в заключении своей работы З. Р. Ишанходжаева обращает внимание на некоторые позитивные моменты советского периода. Это, прежде всего, повышение грамотности населения, увеличение числа школ, а также средних специальных и высших учебных заведений.

Историк Шамсиддин Камолиддин (* 1955) придерживается жесткой критики в отношении русских, называя их «завоевателями» и «оккупантами», которые «в период колониализма Российской империи и деспотизма советской власти» вносили раздор между народами центральноазиатского региона и разжигали конфликты на национальной почве.¹⁴⁹ К слову, деятельность ученого Ш. С. Камолиддина поначалу была связана с кафедрой истории народов Центральной Азии Ташкентского Государственного института востоковедения. Однако сегодня он позиционирует себя в качестве независимого исследователя. Автор негативно оценивает пропаганду идей коммунизма и атеизма, превративших людей в «безбожных, неверующих и безнравственных "манкуртов"».¹⁵⁰ Он отмечает, что советская власть уничтожала религиозные, духовые и культурные ценности узбекского народа. За все время существования СССР прибавились такие негативные явления, как ложь, воровство, коррупция и хищение государственной собственности, двуличие и др. Камолиддин утверждает, что советская власть, как и царская, продолжила грабить природные богатства Узбекистана, превратив его в «отсталую индустриально неразвитую колонию

¹⁴⁸ ИШАНХОДЖАЕВА, З. Р.: *Репрессивная политика Советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.)*. Ташкент 2011, с. 248–255.

¹⁴⁹ КАМОЛИДДИН, Ш. С.: *Актуальные проблемы историографии истории Средней Азии*. Ташкент 2017, с. 6.

¹⁵⁰ Данное выражение взято из романа Ч. Айтматова «Буранный полустанок» (также известный как «И дольше века длится день»), в котором плененного человека превращали в бездушного раба, зависимого от хозяина и утратившего память о своей прошлой жизни. В переносном значении этот термин используется для обозначения человека, забывшего о своем происхождении и утратившего связь с историческими и национальными корнями. Манкурт. Wikipedia. [online: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Манкурт>, cit. 2025-03-20].

и источник сырья».¹⁵¹ Единственной целью Москвы, как утверждают исследователи, было превращение узбеков в «рабов» на бескрайних хлопковых полях страны.¹⁵²

Аграрная политика советской власти вызвала массовый протест дехкан, который, как отмечает историк и ректор Андижанского государственного педагогического института Бахтиер Расулов (* 1960), был направлен не только против насильственной коллективизации, но и против советского режима. В своем утверждении автор ссылается на совершенно секретные информационные сводки Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ), а также на телеграммы местных партийных и советских органов.¹⁵³

Ко мнению о том, что идеи большевизма принесли много страданий народам бывшего СССР, склоняется историк и член Академии наук Узбекистана Дилором Алимова (* 1948). Она считает, что коммунистическая идеология привела к разрушительным последствиям национальных устоев, оградила людей от реального мира, лишила их воли и свободомыслия.¹⁵⁴

В 2000 году вышла в свет трехтомная коллективная монография «Ўзбекистоннинг янги тарихи» (Новая история Узбекистана), вторая книга которой посвящена советскому периоду в истории страны и называется «Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида» (Узбекистан в период советского колониализма).¹⁵⁵ Уже из названия работы можно определить отношение авторов к СССР. В данной работе присутствует все тот же нарратив о том, что Советский Союз был «империей», продолжившей политику царского самодержавия. Ученые аргументируют это тем, что Узбекистан, имевший формальный статус союзной республики, фактически оставался в

¹⁵¹ КАМОЛИДДИН, Ш. С.: *Актуальные проблемы историографии истории Средней Азии*. Ташкент 2017, с. 161.

¹⁵² SAMARI, A. – ASHUROV, K. – IBRAGIMOV, U.: *Uzbeks Rewrite History: Academics fear Tashkent's historical revisionism may lead to anti-Russian feeling among Uzbek youth*, *IWPR'S Reporting Central Asia*, 2002. [online: <https://iwpr.net/global-voices/uzbeks-rewrite-history>, cit. 2025-02-05].

¹⁵³ См. РАСУЛОВ, Б. М.: Массовое сопротивление дехкан против насильственной коллективизации в 1930–1932 годах в Узбекистане. *European research*, 2017, № 2 (25). [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-soprotivlenie-dehkan-protiv-nasilstvennoy-kollektivizatsii-v-1930-1932-godah-v-uzbekistane>, cit. 2025-03-20], а также РАСУЛОВ, Б. М.: Политические репрессии в период коллективизации в Узбекистане в 20-30-е годы XX века. *International scientific review*, 2017, № 3 (34). [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-repressii-v-period-kollektivizatsii-v-uzbekistane-v-20-30-e-gody-hh-veka>, cit. 2025-03-20].

¹⁵⁴ АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008, с. 128.

¹⁵⁵ ЖЎРАЕВ, Н. – ФАЙЗУЛЛАЕВ, Т. ва бошқ.: *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. Иккинчи китоб: Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Тошкент 2000.

зависимости от Москвы, а местные органы власти были лишь исполнителями воли центрального руководства СССР. Авторы (они же сотрудники Института истории АН РУз) подчеркивают, что республика продолжала служить в качестве сырьевого придатка, что, в первую очередь, выразилось в развитии хлопководства. Огромный урон местному населению нанесла коллективизация и репрессии, в ходе которых десятки тысяч семей утратили свое имущество, а также оказались вовлеченными в процессы политического преследования и отправлялись в ссылку. Критике подверглась политика русификации и идеологического давления, т. к. это способствовало разрушению национальной идентичности. Негативно оценивается активное продвижение русского языка и советских ценностей, в то время как узбекский язык и традиционная культура отходили на второй план. Введение вместо арабского алфавита латиницы, а затем кириллицы, по мнению авторов, имело скрытую насильственную направленность, разрушавшую вековые культурные традиции узбекского народа. Исследователи также считают, что процесс модернизации имел негативное влияние на местную культуру, религию и национальную идентичность.

Еще одним долго ожидаемым историками и общественностью трудом стала вышедшая в 2019 году двухтомная монография «Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар)» (История Узбекистана 1917–1991 гг.), посвященная истории советского периода и напоминающая по стилю вышеуказанную монографию 2000 года.¹⁵⁶ Для оценки истории Узбекистана тех лет авторы (коллектив сотрудников АН) часто используют термины «противоречивый» и «сложный». Первый том монографии посвящен периоду с 1917 по 1939 гг. Исследователи негативно относятся к октябрьским событиям 1917 года, но при этом признают, что Февральская революция позитивно повлияла на национальные движения. Ученые подвергают осуждению действия большевиков в Туркестане, оправдывая это тем, что советская модернизация была чуждой для коренного населения. В конечном итоге это привело к восстанию, означавшем борьбу между традиционностью и модернизацией.¹⁵⁷ Ученые приходят к мнению, что пришедшие к власти большевики осуществили самый масштабный и противоречивый по итоговым результатам эксперимент в истории человечества. По мнению историков, советский режим за все время своего существования принес

¹⁵⁶ АБДУЛЛАЕВ, Р. – РАХИМОВ, М. – РАЖАБОВ, К.: *Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар)*: иккита китоб. Тошкент 2019.

¹⁵⁷ Там же. С. 7.

бесчисленные страдания узбекскому народу, которые выразились, прежде всего, в политике репрессий.¹⁵⁸ В конце 1930-х гг. тоталитарный советский режим достигает вершины своего правления, нарушив все демократические принципы и неприкосновенность человека. Авторы приходят к заключению, что советской системы правил не рабочий класс, а основанная на бюрократии партийная номенклатура и что, несмотря на всяческие запреты со стороны коммунистической идеологии, тоталитарной системы, политики формирования единого советского народа, Узбекистану удалось сохранить свои национальные особенности.

Второй том монографии посвящен 1939–1991 гг. Большое внимание в данной части уделяется освещению истории Второй мировой войны. Здесь подробно описывается трудовой и фронтовой подвиг узбекского народа, приводятся сведения о героях Узбекистана и об их вкладе в победу над фашизмом. Стоит отметить, что исследователи отказались от термина «Великая Отечественная война», заменив его термином «Вторая мировая война». Интересна также интерпретация некоторых событий военных лет. Например, в работе оправдываются действия различных «национальных» группировок, воевавших на стороне фашистской Германии. Это, в первую очередь, туркестанские легионеры, а также власовцы и бандеровцы. К причинам образования таких соединений авторы относят установление советского режима методом террора и репрессий, уничтожение свободомыслящей национальной элиты, а также коллективизацию. Таким образом, исследователи обвиняют во всем советскую систему, Сталина и коммунистов, которые, по их мнению, усилили недовольство людей и подтолкнули к предательству.¹⁵⁹

Необходимо отметить, что вышеуказанный труд был негативно оценен исследователем Бахтиером Алимджановым (* 1985), назвавшем его «справочником для махровых антисоветчиков».¹⁶⁰ Историк, в целом, опровергает утверждение о том, СССР являлся страной-колонизатором и считает это ложью и провокацией. Он призывает страны Центральной Азии бороться с мнением о том, что Узбекистан и другие республики Советского Союза были колониями. Автор подкрепляет свое утверждение

¹⁵⁸ АБДУЛЛАЕВ, Р. – РАХИМОВ, М. – РАЖАБОВ, К.: *Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар)*: иккита китоб. Тошкент 2019, с. 474.

¹⁵⁹ Там же. С. 52–60.

¹⁶⁰ АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: Узбекская ССР: за и против. *ВЕСТИ.UZ*, 2019 [online: <https://vesti.uz/uzbekskaya-ssr-za-i-protiv/>, cit. 2025-03-22].

аргументом о том, что «страна-колонизатор не вкладывается в свои колонии».¹⁶¹ При СССР Узбекистан модернизировался, в стране появилась техническая, научная и академическая элита, велась активная культурная политика (например, строительство домов культуры). Помимо этого, Советский Союз вкладывался в развитие образования, сферы промышленности, обеспечивал республику социальными гарантиями. Москва, по мнению исследователя, много инвестировала в технологии, безопасность республик и поступает так же в настоящее время в отношении Узбекистана. Алимджанов считает, что хорошие отношения с Россией – гарантия не только больших инвестиций, но и безопасности, например, от угрозы со стороны Афганистана.

Старший научный сотрудник Института истории Академии наук и по совместительству доцент Ташкентского государственного педагогического университета Баходир Пасилов (* 1959) не придерживается однозначной критики или одобрения в оценке Советского Союза.¹⁶² С одной стороны, автор утверждает, что коммунизм был введен в Центральной Азии силой и что вопреки воле местных народов, регион стал невольным участником большевистского общественно-политического эксперимента. Пасилов также негативно относится к политике национально-территориального размежевания. Он отмечает, что обещание большевиков о праве наций на самоопределение, провозглашенное в «Декларации прав народов России» (1917), оказалось фикцией, т. к. формальные заявления о равенстве и суверенитете в действительности были направлены на централизацию власти и подавление любых попыток автономии. Историк приводит в пример вооруженное подавление Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти) в 1918 году, созданной на основе решений мусульманского конгресса в Коканде. Данное событие, по мнению автора, стало отправной точкой для усиления недовольства местного населения и последующего сопротивления советской власти в 1918–1933 гг. В работе «Колониальный характер миграционной политики советского тоталитарного режима» Пасилов подчеркивает, что великодержавное, имперское мышление, присущее Российской империи, стало основной характеристикой Советского государства, но уже

¹⁶¹ АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: Был ли Советский Союз колонизатором. *ВЕСТИ.UZ*, 2024 [online: <https://vesti.uz/byl-li-sovetskij-sojuz-kolonizatorom/>, cit. 2025-03-22].

¹⁶² PASILOV, B.: National Policy and Identity under the Soviet Authorities in Uzbekistan in the 1920s and 1930s. *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2010, № 28 (2), с. 12–34.

с добавлением марксистской концепции «пролетарского интернационализма».¹⁶³ В итоге была попытка создать «советский народ», который бы объединил все национальности СССР.¹⁶⁴ Тем не менее, исследователь, признавая негативные аспекты политики Москвы, всесторонние ошибки и репрессивный контроль, призывает видеть и позитивные стороны российского присутствия в регионе.¹⁶⁵ Это, например, вклад в модернизацию (хотя и ограниченный жесткими рамками), ликвидация безграмотности, поднятие уровня образования и то, что народы Центральной Азии смогли развиваться в гуманитарных и научных областях.

3.3 Восприятие современной России и узбекско-российских отношений в узбекской историографии

Во второй главе дипломной работы мы рассмотрели развитие взаимоотношений Узбекистана и России. Еще раз напомним о том, что, несмотря на потепление отношений с Москвой после прихода к власти Владимира Путина, Ислам Каримов все же видел в России потенциальную угрозу суверенитету и последовательно пытался минимизировать ее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Как уже отмечалось ранее, Каримов являлся жестким критиком, как имперской, так и советской политики в отношении Узбекистана. После его смерти в 2016 году пост президента Узбекистана занял Шавкат Мирзиев, при котором начался процесс стремительного сближения с Россией и улучшения двусторонних отношений. Наряду с этим в стране наметились процессы постепенной либерализации в сфере науки и образования. Узбекским ученым открылись новые возможности для сотрудничества с российскими научными институтами. Все указанные факторы, в свою очередь, способствовали изменению историографического нарратива в оценке современной России. Несмотря на сохраняющееся преобладание негативного взгляда на Российскую империю и Советский Союз в национальной историографии, оценка России XXI века и взаимодействия с ней все чаще приобретает более взвешенный, а порой и положительный характер. Представители «официальной» историографической школы, подчеркивая экономическую и культурную взаимозависимость между двумя странами,

¹⁶³ ПАСИЛОВ, Б.: Колониальный характер миграционной политики советского тоталитарного режима. In: *O'zbekiston tarixining dolzarb muammolariga yangi chizgilar. Davriy tuplat*. Сост. Д. А. Алимова. Ташкент 1999.

¹⁶⁴ Там же. С. 158–159.

¹⁶⁵ PASILOV, B.: National Policy and Identity under the Soviet Authorities in Uzbekistan in the 1920s and 1930s. *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2010, № 28 (2), с. 24–25.

видят в ней главного стратегического партнера. Помимо этого, ученые, ведущие свою научную деятельность в государственных институтах, обращают внимание на важность двустороннего сотрудничества в сфере образования, науки и культуры. Русский язык по сей день остается одним из основных языков общения, а интерес узбекских студентов к поступлению в российские вузы все еще огромен.

Историк Дилшод Муртазаев (* 1983), занимающий должность старшего преподавателя в Навоийском государственном педагогическом институте, считает, что сотрудничество с Российской Федерацией занимает особое место в политике Узбекистана. Он относится положительно к развитию русской культуры на территории республики. Например, в 2005 году в Ташкенте открылся Российский центр науки и культуры, что, по мнению исследователя, способствовало развитию гуманитарного сотрудничества, а также расширению и укреплению «русскоязычного пространства». В своей статье о культурных и межнациональных отношениях Узбекистана с Россией Муртазаев считает необходимым увеличение научно-практических конференций и обмена опытом ведущих специалистов обеих стран, систематическое проведение межгосударственных культурных месячников, увеличение количества русскоязычных школ и совершенствование их деятельности. Ученый настаивает на укреплении культурных, духовных и научных связей между Россией и Узбекистаном. По словам автора, представители русской национальности, наравне с другими, «самоотверженно трудятся во всех сферах и отраслях и вносят достойный вклад в строительство правового демократического государства с развитой рыночной экономикой и сильным гражданским обществом».¹⁶⁶

Исследователь Лола Бабаходжаева (* 1959) в своей статье «Основы культурно-гуманитарного сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации на современном этапе», опубликованной в журнале «Россия и Узбекистан: история и современность», утверждает, что узбекско-российские отношения за период независимости «обрели характер доверительного и конструктивного диалога как между стратегическими партнерами и союзниками».¹⁶⁷ Необходимо отметить, что

¹⁶⁶ МУРТАЗАЕВ, Д. Б. Культурные и межнациональные отношения Узбекистана с Российской Федерацией в XXI веке. *Молодой ученый*, 2017, № 16 (150), с. 380–383. [online: <https://moluch.ru/archive/150/42355/>, cit. 2025-04-02].

¹⁶⁷ БАБАХОДЖАЕВА, Л.: Основы культурно-гуманитарного сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации на современном этапе. *Россия и Узбекистан: история и современность*, 2017, № 1, с. 74–79.

Л. Бабаходжаева является сотрудником филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в Ташкенте и членом правления Ассоциации женщин ученых Узбекистана «Олима». В 2017 году она была избрана ответственным секретарем объединения ученых-историков Узбекистана и России, целью которого стало усиление исторической связи между Узбекистаном и Россией, а также углубление гуманитарно-культурного сотрудничества.¹⁶⁸ Данный фактор, скорее всего, тоже сыграл значительную роль на взгляды историка в отношении России. В вышеуказанной статье автор позитивно оценивает укрепление «многовековой дружбы» с Россией и утверждает, что оба государства преследуют одинаковые цели – сохранение независимости, обеспечение мира, стабильности, процветания во всем мире. Заметим, что анализируемая нами работа вышла в 2017 году, т. е. уже после смерти И. А. Каримова и приходу к власти Ш. М. Мирзиёева, когда внешнеполитический курс Узбекистана начал ориентироваться на укрепление взаимодействия с Россией, что привело к изменению нарратива.

В третьей книге коллективной монографии «Ўзбекистоннинг янги тарихи» (Новая история Узбекистана), посвященной истории периода независимости страны, Россия рассматривается как государство, обладающее большим политическим, экономическим и военно-техническим потенциалом, именно поэтому сотрудничество между двумя странами, по мнению ученых, является одним из важнейших направлений внешнеполитической стратегии Узбекистана.¹⁶⁹ Данная монография была издана в 2000 году. Напомним, что именно в это время (с приходом Владимира Путина к власти) началось потепление межгосударственных отношений Узбекистана и России. Авторы труда – академик и общественный деятель Нарзулла Жураев (* 1952), работавший в 2000-х гг. сначала госсекретарем Президента РУз по вопросам культуры, а затем секретарем Комитета по вопросам науки, образования, культуры и спорта Олий Мажлиса; и ученый Турсунбой Файзуллаев (* 1944) – профессор Наманганского государственного университета, а также депутат Наманганского областного Кенгаши народных депутатов. Исследователи подчеркивают, что Узбекистан заинтересован в равноправных и дружеских связях с Россией, т. к. она продолжает оставаться великой державой во всех отношениях и располагает богатейшими возможностями, именно поэтому Узбекистан всячески стремится к сближению с ней.

¹⁶⁸ Создано объединение ученых-историков Узбекистана и России. *Darakchi*. [online: <https://darakchi.uz/ru/23405>, cit. 2025-04-06].

¹⁶⁹ ЖҶРАЕВ, Н. – ФАЙЗУЛЛАЕВ, Т.: *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. Учинчи китоб: Мустақил Ўзбекистон тарихи. Тошкент 2000.

Россия как крупнейшая держава и дружественная Узбекистану страна, играющая значительную роль в сохранении безопасности во всей Центральной Азии, рассматривается и в работе «История Узбекистана», изданной в 2011 году.¹⁷⁰ Автором научного труда является профессор кафедры истории Узбекистана Национального университета Узбекистана – Рахбар Муртазаева (* 1950).

Однако не все исследователи придерживаются столь позитивных взглядов на современную Россию. Например, Мирзохид Рахимов (* 1974) – руководитель Центра новейшей истории Узбекистана Академии наук РУз – отмечает, что В. В. Путин использует любую возможность, чтобы заявить о своем намерении восстановить Россию в качестве великой державы.¹⁷¹ Автор подтверждает, что Россия, несомненно, является одним из главных партнеров стран Центральной Азии. Однако проводимая Россией политика в отношении к Украине, по мнению Рахимова, вызывает некую обеспокоенность в регионе и может усложнить межгосударственные отношения. Тем не менее взаимосвязи между Центральной Азией и Россией, как подчеркивает исследователь, носят сегодня достаточно прагматичный характер и охватывают политическое, экономическое, военное, образовательное и культурное сотрудничество.

Историк Шамсиддин Камолиддин (* 1955) убежден в том, что правящая элита современной России стремится возродить былую мощь Российской империи и Советского Союза.¹⁷² Помимо этого, историк сравнивает Россию с «тюрьмой для малочисленных народов», которые находятся под крылом «старшего брата».¹⁷³ В проводимой Путиным внутренней политике исследователь видит «великодержавную национал-шовинистическую сущность», которая направлена на «постепенное поглощение и уничтожение малых народов».¹⁷⁴ Камолиддин считает, что эти народы обречены на исчезновение и у них уже не будет своего национального будущего.

К числу независимых исследователей, придерживающихся критического подхода, относится политолог и социолог Алишер Ильхамов (* 1962), который родился в Узбекистане, однако с 2004 года проживает в Великобритании, где работает

¹⁷⁰ МУРТАЗАЕВА, Р. Х.: *История Узбекистана*. Ташкент 2011.

¹⁷¹ RAKHIMOV, M.: Central Asia in the Context of Western and Russian Interests. *L'Europe en Formation*, 2015, № 375, с. 140–154.

¹⁷² КАМОЛИДДИН, Ш. С.: *Современные концепции в историографии истории Центральной Азии*. Ташкент 2018.

¹⁷³ Там же. С. 27.

¹⁷⁴ Там же.

руководителем организации Central Asia Due Diligence (CADD). В статье «Как преодолеть имперское наследие России» автор утверждает, что России необходимо признать тот факт, что даже в настоящее время она продолжает оставаться «тюрьмой народов»,¹⁷⁵ каковой была при царской, а затем и советской властях. Автор аргументирует свою мысль тем, что почти все нынешние национальные автономии в составе Российской Федерации стали ее частью по принуждению и вопреки их воле.¹⁷⁶ Россия, по мнению ученого, «является федерацией лишь на бумаге, в реальности же таковой не является и почти никогда ею не была».¹⁷⁷ В указанной статье Ильхамов затрагивает и тему российской агрессии в Украине (с 2022 года). Исследователь отмечает, что при развязывании войны В. В. Путин был движим неонацистской идеологией, закрепленной великодержавными и шовинистическими установками.¹⁷⁸ Ученый утверждает, что имперский характер российской государственности начал возрождаться еще при Борисе Ельцине, но свое окончательное развитие и завершение получил уже при Владимире Путине. Так, унаследовавший власть Путин, взял курс на воссоздание аналога Российской империи XIX века.

¹⁷⁵ ИЛЬХАМОВ, А.: Как преодолеть имперское наследие России. *Central Asia Due Diligence*, 2023. [online: <https://cenasiaduediligence.uk/как-преодолеть-имперское-наследие-ро/>, cit. 2025-03-22].

¹⁷⁶ Например, кровавое подавление национального движения Чечни за свой суверенитет.

¹⁷⁷ ИЛЬХАМОВ, А.: Как преодолеть имперское наследие России. *Central Asia Due Diligence*, 2023. [online: <https://cenasiaduediligence.uk/как-преодолеть-имперское-наследие-ро/>, cit. 2025-03-22].

¹⁷⁸ Стоит напомнить статью Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», в которой ясно проявляются его взгляды. Статья Президента Российской Федерации В. В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» от 12 июля 2021 года публикуется по: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>.

Заключение

Настоящая дипломная работа обращается к сложному феномену восприятия России в узбекской историографической традиции, начиная с 1991 года, то есть с момента обретения Узбекистаном государственной независимости. В это время начал формироваться самостоятельный историко-политический дискурс, в рамках которого происходит переосмысление прошлого и изменение в интерпретации ключевых событий общей узбекско-российской истории.

Первая глава работы исследует ключевые этапы развития исторической науки в Узбекистане. Анализ показал, что национальные традиции в ее становлении были заложены еще такими историками, как Захириддин Бабур, Ахмад Дониш и многими другими. В XIX–XX вв. большой вклад в изучение истории внесли также представители российской востоковедческой школы (например, Василий Бартольд). В советский период историческая наука находилась под жестким идеологическим контролем и давлением компартии, что нередко приводило к фальсификации исторических фактов и событий. После обретения независимости в 1991 году в Узбекистане начался переход к национально-ориентированному историографическому нарративу. В стране наблюдается рост национального самосознания и стремление к созданию истории, направленной на легитимацию нового государства, которая бы отражала древность и самобытность узбекского народа. Несмотря на официальный отход от советской историографической традиции, историческая наука в Узбекистане все же сохранила многие ее черты, выражающиеся, прежде всего, в идеологической заданности, методологическом монизме, декларативности и лозунговости текстов.

Исследование показывает, что узбекская историография за годы независимости начала делиться на два условных направления – «официальное» (или «национальное») и «альтернативное» («конкурентное»). Развитию первого направления способствуют в основном научные сотрудники и члены Академии наук Узбекистана, а также других республиканских научно-исследовательских учреждений, которые зачастую выполняют «государственный заказ» и поддаются влиянию политических интересов. Представителями второго направления являются так называемые независимые исследователи, получившие образование и развивающие свою деятельность за рубежом. Взгляды таких ученых не совпадают с точкой зрения «официальной» историографии и не согласуются с тем, что велено сверху. Они выступают с критикой

идеологизированного подхода к истории и стараются придерживаться в своих работах методологического плюрализма.

Во второй главе рассматриваются политические факторы, оказавшие влияние на развитие узбекской историографии. В ходе анализа была изучена роль новой государственной идеологии, в частности «идеи национальной независимости», разработанной первым президентом страны – Исламом Каримовым и ставшей не только политической «доктриной», но и методологическим фильтром, через который оценивается историческое прошлое. Научные труды историков насыщены цитатами из трудов и выступлений Каримова, которые нередко приводятся в качестве основного научного аргумента, что, в свою очередь, было распространенным и в советский период. Историография, утрачивая свою научную автономию, начала превращаться в идеологический инструмент правящего режима. Она отстаивала позиции, во-первых, уникальности узбекской нации и ее древней государственности, во-вторых, антиколониализма – царская и советская политики в отношении Узбекистана подверглись жесткой критике, в-третьих, изоляционизма – стремления защитить внешние границы и минимизировать внешнее влияние, включая российское. Формируемая Каримовым новая идеология была направлена на вымывание совместного с Россией прошлого из коллективной памяти с целью защиты суверенитета и территориальной целостности государства. Первый президент Узбекистана был жестким критиком российского влияния в стране и утверждал, что узбекский народ пережил сложный период насильственного удержания сначала в составе Российской империи, а затем Советского Союза. Каримов тем самым задал основу для переосмысления образа России и ее роли в истории Узбекистана.

В рамках второй главы рассматривается также развитие отношений между Узбекистаном и Россией после 1991 года, которое сопровождалось их попеременным ослаблением и укреплением, что тоже сыграло значительную роль в оценке России современного периода. Постепенное улучшение двусторонних отношений наблюдается в 2000-е гг. с приходом к власти Владимира Путина. Однако Ислам Каримов продолжал видеть в России потенциальную угрозу суверенитету страны. После смерти Каримова пост президента занял Шавкат Мирзиёев – политик, который с самого начала своего выдвижения пользовался полной поддержкой Москвы и по сей день сохраняет

«дружеские отношения» с В. В. Путиным. С приходом к власти Ш. М. Мирзиёева был взят курс на всестороннее углубление сотрудничества между двумя странами.

В третьей главе работы проводится детальный анализ восприятия России в узбекской историографии с акцентом на три исторических периода: царский, советский и современный.

Первый раздел посвящен восприятию царской России. Мы заметили, что вопрос о колонизации территории современного Узбекистана Российской империей в XIX веке остается одной из наиболее дискуссионных тем в современной узбекской историографии. В трудах таких историков, как Хамид Зияев, Файзулла Исхаков, Рахбар Халикова, Наталья Лукашова, которых можно отнести к представителям «официальной» историографической школы, Российская империя изображается исключительно как колониальная держава, чья политика была направлена на экономическую эксплуатацию, русификацию, разрушение национальной самобытности. «Колониальное угнетение» России рассматривается как преграда на пути к независимости. Ученые указывают на насильственный захват и подчинение, репрессии против местного населения и разрушение традиционного уклада их жизни. Исследователи оценивают царскую Россию как колонизатора, агрессора, оккупанта, чья политика была направлена на укрепление собственного могущества за счет угнетения местного населения, сопровождавшегося репрессиями со стороны властей. Например, историк Рахбар Халикова утверждает, что политика царской России была захватнической – ее великодержавные амбиции и соблазн овладеть огромными богатствами сделали Туркестанский край объектом эксплуатации и прямого грабежа.

Вместе с тем некоторые исследователи предлагают альтернативный, более сбалансированный взгляд и указывают на позитивные последствия вхождения территории современного Узбекистана в состав Российской империи. Например, такие историки, как Шухрат Мухамедов, Бахтиер Алиджанов и Эдвард Ртвеладзе указывают на то, что Россия значительно модернизировала регион и приобщила к европейским достижениям, вкладывалась в развитие образования и инфраструктуры. Исследователь Бахтиер Алимджанов отмечает, что российские власти покончили с войнами и грабежами, а также открыли широкий путь для развития торговли и производства, был увеличен товарообмен между Туркестаном и центром Российской империи.

Таким образом, восприятие царской России в узбекской историографии поляризовано. «Официальное» направление историографии формирует негативный образ России как колонизатора и агрессора, что служит идеологическим целям легитимации независимости. «Альтернативное» направление признает позитивные аспекты российского присутствия. Такое разделение мнений на два направления прослеживается и в дальнейшем анализе.

Второй раздел третьей главы посвящен восприятию эпохи Советского Союза, которая в «официальной» узбекской историографии рассматривается как период страха, деградации и бесчестия. Среди ученых Института истории Академии наук доминирует мнение о том, что Москва продолжила колониальную политику Российской империи, которая выражалась в политическом терроре, ущемлении прав человека, пренебрежении национальных и общечеловеческих ценностей. Работы таких авторов, как Саидакбар Агзамходжаев, Шамсиддин Камолиддин и Замира Ишанходжаева, подчеркивают «великодержавный шовинизм» и антинародный характер советской власти, а также ее разрушительное воздействие на традиции и культуру узбекского народа. Большое внимание уделяется трагическим страницам советского прошлого – политический террор и репрессии, русификация, коллективизация и экологические катастрофы, такие как высыхание Аральского моря, вызванное хлопковой монокультурой. Сущностью советского режима, по мнению ученых, было превращение республики в сырьевой придаток и подчинение воле Москвы.

Напротив, в «альтернативной» историографии признаются позитивные аспекты советского периода – модернизация, развитие инфраструктуры, образования и промышленности, повышение уровня грамотности населения, увеличение количества учебных заведений. Независимый исследователь Бахтиер Алимджанов не признает Советский Союз как колонизатора и считает, что он внес большой вклад в развитие Узбекистана. В своих работах он утверждает, что Советский Союз инвестировал значительные ресурсы в модернизацию Узбекистана, включая развитие промышленности, образования и науки. Алимджанов подчеркивает, что социальные гарантии, культурная политика и технический прогресс были важными достижениями советского периода. Историк Баходир Пасилов занимает более умеренную позицию,

признавая как репрессивный характер советской политики, так и ее позитивные аспекты, такие как ликвидация безграмотности и развитие гуманитарных наук.

В третьем разделе, посвященном современной России (после 1991 года), анализируется то, как узбекские историки оценивают роль России в постсоветский период и перспективы двусторонних отношений. С восприятием сегодняшней России сложилась немного иная ситуация. Представители «официальной» историографии, а именно Лола Бабаходжаева и Рахбар Муртазаева позитивно оценивают Россию и видят в ней ключевого геополитического партнера, обеспечивающего стабильность и безопасность во всей Центральной Азии. По этой причине они призывают к усилению развития межгосударственных связей в области науки, культуры и экономики. Историк Дилшод Муртазаев выступает за укрепление русскоязычного пространства и расширение культурных связей. Современная Россия в оценках исследователей представлена как великая держава, с которой Узбекистан стремится развивать равноправные связи. Такие взгляды ученых были вызваны стремительным потеплением отношений и активным двусторонним сотрудничеством при Шавкате Мирзиёеве.

Другого мнения придерживаются исследователи Алишер Ильхамов, Шамсиддин Камолиддин и Мирзохид Рахимов. Они указывают на нескончаемые имперские амбиции России, унаследованные от царской и советской эпох, а также закрепленные великодержавными и шовинистическими установками. А. Ильхамов, ссылаясь на российскую политику в Украине, утверждает, что Россия остается «тюрьмой народов», стремящейся к подавлению национальных автономий. Ш. Камолиддин критикует «великодержавный шовинизм» и политику ассимиляции малых народов.

Таким образом, восприятие России в узбекской историографии после 1991 года является результатом сложного и противоречивого процесса, в котором переплетаются историческое знание, политические интересы и идеологические установки. Глубокое переосмысление общего с Россией прошлого отражает стремление узбекских ученых сформировать собственную историческую концепцию. Результаты исследования, на наш взгляд, обладают не только научной, но и практической значимостью, поскольку могут способствовать формированию комплексного понимания историко-политических процессов, происходящих в регионе Центральной Азии.

Список использованной литературы

Литература на узбекском языке:

АБДУЛЛАЕВ, Р. – РАХИМОВ, М. – РАЖАБОВ, К.: *Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар)*. Иккинчи китоб: 1939–1991 йиллар. Тошкент 2019.

АБДУРАХМОНОВ, М. – ШАРОФИДДИНОВ, А.: *Хамид Зияевнинг хаёти, илмий педагогик фаолияти (1923–2013)*. Тошкент 2013.

АХМАДЖОНОВ, Г. А.: *Россия империяси Марказий Осиёда*. Тошкент 2003.

ЖЎРАЕВ, Н. – ФАЙЗУЛЛАЕВ, Т. ва бошқ.: *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. Иккинчи китоб: *Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида*. Тошкент 2000.

ЖЎРАЕВ, Н. – ФАЙЗУЛЛАЕВ, Т.: *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. Учинчи китоб: *Мустақил Ўзбекистон тарихи*. Тошкент 2000.

ЗИЯЕВ, Х.: *Занжирбанд ҳукмдорлар. Ўзбекистон адабиёти ва санъати*, Тошкент 1992.

ЗИЯЕВ, Х.: *Истиклол учун бирлашайлик. Ўзбекистон адабиёти ва санъати*, Тошкент 1991.

ЗИЯЕВ, Х.: *Россиянинг Козон, Астрахан, Сибир, Крим, Кавказ ва Туркистонга тажовузи ва ҳукмронлигига қарши курашлар*. Тошкент 2012.

ЗИЯЕВ, Х.: *Совет империяси нима учун ағдарилди?*. In: *Тарихнинг очилмаган саҳифалари*. Тошкент 2003.

ЗИЯЕВ, Х.: *Туркистонда Россия тажовузи ва ҳукмронлигига қарши кураш (XVIII–XX аср бошлари)*. Тошкент 1998.

ЗИЯЕВ, Х.: *Ўзбекистон ва Волга бўйлари (XVI асрнинг иккинчи ярми – XIX асрлар)*. Тошкент 2011.

ЗИЯЕВ, Х.: *Ўзбекистон ва Сибир (XVI–XIX асрлар)*. Тошкент 2011.

ЗИЯЕВ, Х.: *Ўзбекистон мустамлака ва зулум исканжасида (XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошлари)*. Тошкент 2006.

СОДИКОВ, Х. – ШАМСУТДИНОВ, Р. ва бошқ.: *Ўзбекистоннинг янги тарихи*. Биринчи китоб: *Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида*. Тошкент 2000.

Ўзбекистонда тарих фани: ўтмиши ва ҳозирги аҳволи. Ўзбекистонда замонавий тарих мавжудми?. *UZ Analytics*. [online: <https://www.uzanalytics.com/tarix/3686/>, cit. 2025-04-03].

O'zbekiston davlatchiligi tarixi. O'zbekiston tarixi, 1999, № 1.

O'zbekiston tarixi, 2018, № 4. [online: <https://assets.uzsci.uz/edition/file//5df9c49c18b8d.pdf>, cit. 2025-03-18].

Литература на русском языке:

АБАШИН, С.: Советское = колониальное? (За и против). In: *Понятия о советском в Центральной Азии*. Сост. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек 2016. [online: https://www.academia.edu/31541943/Абашин_С_Советское_колониальное_За_и_против_Понятия_о_советском_в_Центральной_Азии_Альманах_Штаба_2_Бишкек_2016, cit. 2025-04-03].

АБАШИН, С.: Узбекистан после СССР. *Звезда*, 2015, № 8. [online: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2563>, cit. 2025-04-06].

АБДУЛЛАЕВ, Р. М. – АГЗАМХОДЖАЕВ, С. С.: *Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости*. Ташкент 2000.

АБДУЛЛАЕВ, Ю. Н.: Из истории установления дипломатических отношений между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией. In: *Российско-узбекистанские связи в контексте многовековой исторической ретроспективы. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности*. Ташкент 2013.

АГЗАМХОДЖАЕВ, С.: *История Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти)*. Ташкент 2006.

АЛИЕВ, В.: Мирзиев: отношения с Россией. *Регнум*, 2018. [online: <https://regnum.ru/article/2378464>, cit. 2025-02-02].

АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: Был ли Советский Союз колонизатором. *ВЕСТИ.UZ*, 2024 [online: <https://vesti.uz/byl-li-sovetskij-sojuz-kolonizatorom/>, cit. 2025-03-22].

АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: Великое "историческое" прошлое: как создавалась новая национальная идентичность в Узбекистане и Таджикистане. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 2019. [online: <https://cabar.asia/ru/velikoe-istoricheskoe-proshloe-kak-sozdavalas-novaya-natsionalnaya-identichnost-v-uzbekistane-i-tadzhikistane>, cit. 2025-03-10].

АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: Узбекская ССР: за и против. *ВЕСТИ.UZ*, 2019 [online: <https://vesti.uz/uzbekskaya-ssr-za-i-protiv/>, cit. 2025-03-22].

АЛИМДЖАНОВ, Б. А.: *Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Санкт-Петербург 2016.

АЛИМОВА, Д. А. – РТВЕЛАДЗЕ, Э. В.: *Очерки по истории государственности Узбекистана*. Ташкент 2001.

АЛИМОВА, Д. А.: *История как история, история как наука*: в 2-х т. Т. 1: История и историческое сознание. Ташкент 2008.

- АРИФДЖАНОВ, Э. К. – АЛИМОВ, Ш. К. и др.: *История Узбекистана: курс лекций*. Ташкент 2012.
- АТА-МИРЗАЕВ, О. – ГЕНШКЕ, В. – МУРТАЗАЕВА, Р.: *Межнациональная толерантность в Узбекистане: история и современность*. Ташкент 2004.
- АХУНДЖАНОВ, Э.: Основные направления научных исследований истории Узбекистана. «*INFOLIB*» ахборот-кутубхона журнали, 2024, № 3 (35).
- БАБАХОДЖАЕВА, Л.: Основы культурно-гуманитарного сотрудничества Республики Узбекистан и Российской Федерации на современном этапе. *Россия и Узбекистан: история и современность*, 2017, № 1.
- БАШКИРОВ, С.: Что такое ЕАЭС и какие страны входят в союз. *РБК Тренды*, 2024. [online: <https://trends.rbc.ru/trends/social/65e56b4a9a7947aed364fd2f?from=copy>, cit. 2025-04-22].
- БЕЙЛИС, М.: «Новая история» Узбекистана: Мифология каримовских времен. *Русский век*, 2011. [online: <https://ruvek.mid.ru/publications/print/60974/>, cit. 2025-04-05].
- БРЕЖНЕВА, С. Н.: *Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России. (вторая половина XIX в. – начало XXI в.)*. Москва 2005.
- ГАНИЕВ, Р. Т.: *Политика России и Китая в Центральной Азии*. Екатеринбург 2017. [online: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47009/1/978-5-7996-2026-4_2017.pdf, cit. 2025-01-25].
- ГЕРМАНОВА, В. В.: Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана). In: *Центральная Азия в составе Российской империи*. Москва 2008.
- ГОРАК, С.: Историзм в современных среднеазиатских идеологиях. In: *Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах: сборник научных статей по итогам Третьей международной конференции*. Отв. ред. К. В. Киселев. Екатеринбург 2005.
- ИЛЬХАМОВ, А.: Как преодолеть имперское наследие России. *Central Asia Due Diligence*, 2023. [online: <https://cenasiaduediligence.uk/как-преодолеть-имперское-наследие-ро/>, cit. 2025-03-22].
- ИСМАЙЛОВА, Ж. Х.: *Национально-освободительное движение в Туркестане в начале XX века (на примере восстания 1916 года в Ферганской долине)*. Ташкент 2002.
- ИСХАКОВ, Ф. Б.: *Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.)*. Ташкент 1997.
- ИСХАКОВ, Ф. Б.: *Центральная Азия и Россия в XVIII – начале XX вв.* Ташкент 2009.
- ИШАНХОДЖАЕВА, З. Р.: *Репрессивная политика Советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.)*. Ташкент 2011.

- КАЛИШЕВСКИЙ, М.: Узбекистан: Диктатура как результат «научного подхода». *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2013. [online: <https://www.fergananews.com/articles/7990>, cit. 2025-04-05].
- КАЛИШЕВСКИЙ, М.: Трагедия 1916 года: Девяносто пять лет со дня восстания. *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2011. [online: <https://www.fergananews.com/article.php?id=7003>, cit. 2025-04-22].
- КАМОЛИДДИН, Ш. С.: *Современные концепции в историографии истории Центральной Азии*. Ташкент 2018.
- КАМОЛИДДИН, Ш. С.: *Актуальные проблемы историографии истории Средней Азии*. Ташкент 2017.
- КАРИМОВ, И. А.: *Наша высшая цель – независимость и процветании Родины, свобода и благополучие народа*. Ташкент 2000.
- КАРИМОВ, И. А.: *По пути модернизации страны и устойчивого развития экономики*. Ташкент 2008.
- КАРИМОВ, И. А.: *Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса*. Ташкент 1997.
- КАРИМОВ, И. А.: *Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология*. Ташкент 1993.
- КАРИМОВ, И. А.: *Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть*. Ташкент 2005.
- КОБЗЕВА, О. П. – СИДДИКОВ, Р. Б.: *История государственности Узбекистана*. Ташкент 2021.
- ЛУКАШОВА, Н. М.: *Материалы по изучению истории Узбекистана*. Наманган 2001.
- МЕЩЕРЯКОВ, К. Е.: *Российско-узбекские межгосударственные отношения в 1991–2007 гг.: основные тенденции и проблемы развития*. Санкт-Петербург 2007.
- МИРЗИЕЕВ, Ш. М.: Если экономика – организм, обеспечивающий жизнедеятельность общества, то духовность – его сердце и душа. Совещание 19.01.2021. [online: <https://president.uz/ru/lists/view/4089> cit. 2025-03-11].
- МУРТАЗАЕВ, Д. Б. Культурные и межнациональные отношения Узбекистана с Российской Федерацией в XXI веке. *Молодой ученый*, 2017, № 16 (150). [online: <https://moluch.ru/archive/150/42355/>, cit. 2025-04-02].
- МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века. *Метаморфозы истории*, 2013, № 4. [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-russkogo-turkestana-pravda-i-vymysel-vzglyad-istorika-iz-xxi-veka>, cit. 2025-03-17].

МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: К некоторым парадигмам в новой истории Центральной Азии. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей.* Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-18].

МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: *Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии.* Ташкент 2016.

МУХАМЕДОВ, Ш. Б.: Русская колонизация Туркестана: изменения в быту и нравах коренного населения. In: *Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции.* Ташкент 2009.

НАСИРОВ, О. Н.: Узбекистан в годы независимости. *ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ*, 2023, № 38. [online: [https://api.scienceweb.uz/storage/publication_files/3014/11126/647f32a2b7bca_OИНВ21ВЕКЕ\(18\).pdf](https://api.scienceweb.uz/storage/publication_files/3014/11126/647f32a2b7bca_OИНВ21ВЕКЕ(18).pdf), cit. 2025-03-10].

НИКИТЕНКО, Г. Н.: Хива под протекторатом Российской империи. *Общественные науки в Узбекистане*, 1997, № 7–8.

ПАНФИЛОВА, В.: Ислам Каримов: «При империи нас считали людьми второго сорта». *Независимая газета*, 2005. [online: https://www.ng.ru/ideas/2005-01-14/1_karimov.html, cit. 2025-01-30].

ПАСИЛОВ, Б.: Колониальный характер миграционной политики советского тоталитарного режима. In: *O'zbekiston tarikhining dolzarb muammolariga yangi chizgilar. Davriy tuplam.* Сост. Д. А. Алимова. Ташкент 1999.

РАСУЛОВ, Б. М.: Массовое сопротивление дехкан против насильственной коллективизации в 1930–1932 годах в Узбекистане. *European research*, 2017, № 2 (25). [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-soprotivlenie-dehkan-protiv-nasilstvennoy-kollektivizatsii-v-1930-1932-godah-v-uzbekistane>, cit. 2025-03-20].

РАСУЛОВ, Б. М.: Политические репрессии в период коллективизации в Узбекистане в 20–30-е годы XX века. *International scientific review*, 2017, № 3 (34). [online: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-repressii-v-period-kollektivizatsii-v-uzbekistane-v-20-30-e-gody-hh-veka>, cit. 2025-03-20].

РТВЕЛАДЗЕ, Э.: Штрих к познанию исторической проблемы. In: *Россия-Узбекистан: в прошлом и настоящем. Люди. События. Размышления.* Сост. А. Б. Джумаев, Ю. В. Подпоренко и др. Ташкент 2000.

РУСТАМОВА, Г. К.: *Колониальная сущность царской и большевистской власти в Туркестане (1867–1924 гг.).* Ташкент 1999.

САИДБОБОВ, З. – ПУГОВКИНА, О. – АДИЛОВ, Ж.: Опыт написания учебников и учебных пособий по предмету «Источниковедение и историография» в Узбекистане.

Создано объединение ученых-историков Узбекистана и России. *Darakchi*. [online: <https://darakchi.uz/ru/23405>, cit. 2025-04-06].

ТУРСУНОВ, Х. Т.: Из истории образования Узбекской ССР и коммунистической партии Узбекистана. *Общественные науки в Узбекистане*, 1984, № 2. [online: <https://core.ac.uk/download/pdf/162464684.pdf>, cit. 2025-03-19].

Устная история в Узбекистане: теория и практика. Сборник материалов конференции. Выпуск I. Отв. ред. Р. М. Абдуллаев. Ташкент 2011.

ХАИТБАЕВА, С.: Андижанская резня: воспоминания очевидцев 10 лет спустя. BBC News, 2015. [online: https://www.bbc.com/russian/international/2015/05/150513_andijan_anniversary, cit. 2025-04-06].

ХАЛИКОВА, Р. – ТИЛЛАХОДЖАЕВА, Х.: *Новейшая история Узбекистана*. Ташкент 2024.

ХАЛИКОВА, Р. Э.: *Из истории Туркестанского края: политика завоевания и колонизации Российской империей*. Ташкент 2024.

ХАН, В. С.: О базовых методологических принципах и проблемах общественно-гуманитарных наук на постсоветском пространстве. In: *Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей*. Сост. А. К. Аликберов, М. А. Рахимов. Москва 2018. [online: https://www.academia.edu/36575223/ПРОБЛЕМЫ_ТЕОРИИ_И_МЕТОДОЛОГИИ, cit. 2025-03-15].

ХАН, В. С.: О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии. *Uzbekistan Initiative Papers*, 2014, № 16.

ЦЫРЯПКИНА, Ю. Н.: «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана. *Исторический курьер*, 2020, № 5 (13). [online: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-20.pdf>, cit. 2025-04-02].

ЮСУПОВ, Ю.: Клуб заложников российской политики. *Международное информационное агентство «Фергана»*. Москва 2019. [online: <https://fergana.agency/articles/111489/?country=uz>, cit. 2025-04-22].

ЯКУБОВ, И.: Возможности и пределы сотрудничества между Узбекистаном и Россией. *Central Asian Bureau for Analytical Reporting*, 2021 [online: <https://cabar.asia/ru/vozmozhnosti-i-predely-sotrudnichestva-mezhdu-uzbekistanom-i-rossiej>, cit. 2025-01-25].

ЯРМОЩУК, Т.: Интеллигенция уходит в оппозицию. Национальные движения в республиках накануне распада СССР. Часть тринадцатая: Узбекистан. *Настоящее Время*, 2023. [online: <https://www.currenttime.tv/a/ussr-uzbekistan/32217736.html>, cit. 2025-01-30].

Литература на других языках:

- BLAKE, C.: Can History Be Objective?, *Mind*, 1955, № 253. [online: <https://www.jstor.org/stable/2251044>, cit. 2025-02-10].
- EGARTY, S.: The Rehabilitation of Temur: Reconstructing National History in Contemporary Uzbekistan. *Central Asia Monitor*, 1995, № 1.
- HOBBSBAWM, E. J. – KERTZER, D. J.: Ethnicity and Nationalism in Europe Today. *Anthropology Today*, 1992, № 1.
- HORÁK, S.: (Ne)závislost Střední Asie na Rusku (případ Uzbekistánu). *Pražské sociálně vědní studie*, Praha 2006.
- HORÁK, S.: Ideologie národní nezávislosti v Uzbekistánu. *Slovanský přehled*. Praha, roč. 98, 2012, č. 1–2.
- HORÁK, S.: Role historie v ideologiích středoasijských režimů. In: *Rozvoj české společnosti v Evropské unii. 3. díl*. Eds. Jakub Končelík a kol. Praha 2004.
- JIROUŠKOVÁ, K.: *Středoasijské státy v ruské a čínské zahraniční politice – případ Kazachstánu a Uzbekistánu v roli lokálních mocností*. Plzeň 2017.
- KUMAR, S.: Historiography and State Administration in Uzbekistan. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, № 6. [online: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/9479/12_Kumar.pdf?sequence=1&isAllowed=y, cit. 2025-02-06].
- KUZIO, T.: History, Memory and Nation Building in The Post-Soviet Colonial Space. *Nationalities Papers*, 2002, № 2. [online: https://www.researchgate.net/publication/240523382_History_Memory_and_Nation_Building_in_the_Post-Soviet_Colonial_Space, cit. 2025-02-06].
- MARCH, A.: State Ideology and the Legitimation of Authoritarianism: The Case of Post-Soviet Uzbekistan, *Journal of Political Ideologies*, 2003, № 2.
- MILLER, A.: Russia: Politics and History. *Russia In Global Affairs*, 2010, № 2. [online: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/russia-politics-and-history/> cit. 2025-02-10].
- PASILOV, B.: National Policy and Identity under the Soviet Authorities in Uzbekistan in the 1920s and 1930s. *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2010, № 28 (2).
- RAKHIMOV, M.: Central Asia in the Context of Western and Russian Interests. *L'Europe en Formation*, 2015, № 375.
- SAMARI, A. – ASHUROV, K. – IBRAGIMOV, U.: Uzbeks Rewrite History: Academics Fear Tashkent's Historical Revisionism May Lead to Anti-Russian Feeling among Uzbek Youth, *IWPR'S Reporting Central Asia*, 2002. [online: <https://iwpr.net/global-voices/uzbeks-rewrite-history>, cit. 2025-02-05].

YUSUPOV, F. – PANNIER, B.: Rewriting History: Karimov The Brave. *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 2011. [online: https://www.rferl.org/a/uzbek_president_islam_karimov_rewriting_history/24301180.html, cit. 2025-02-05].

Интернет-ресурсы:

Идея национальной независимости Узбекистана. TESTHISTORY.RU. [online: http://testhistory.ru/history.php?id=his_5_102, cit. 2025-04-05].

Институт истории Академии наук Республики Узбекистан. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_истории_Академии_наук_Республики_Узбекистана, cit. 2025-02-15].

Каримов, Ислам Абдуганиевич. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каримов,_Ислам_Абдуганиевич, cit. 2025-01-22].

Манкурт. Wikipedia. [online: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Манкурт>, cit. 2025-03-20].

Независимый исследователь. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Независимый_исследователь, cit. 2025-04-22].

Организация Договора о коллективной безопасности. Wikipedia. [online: https://ru.wikipedia.org/wiki/Организация_Договора_о_коллективной_безопасности, cit. 2025-04-05].

Постановление «О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан» (от 27.07.1998 г.). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан [online: <https://lex.uz/docs/813627>, cit. 2025-03-10].

Список сокращений

АН	Академия наук
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
РУз	Республика Узбекистан
СНГ	Содружество Независимых Государств
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества